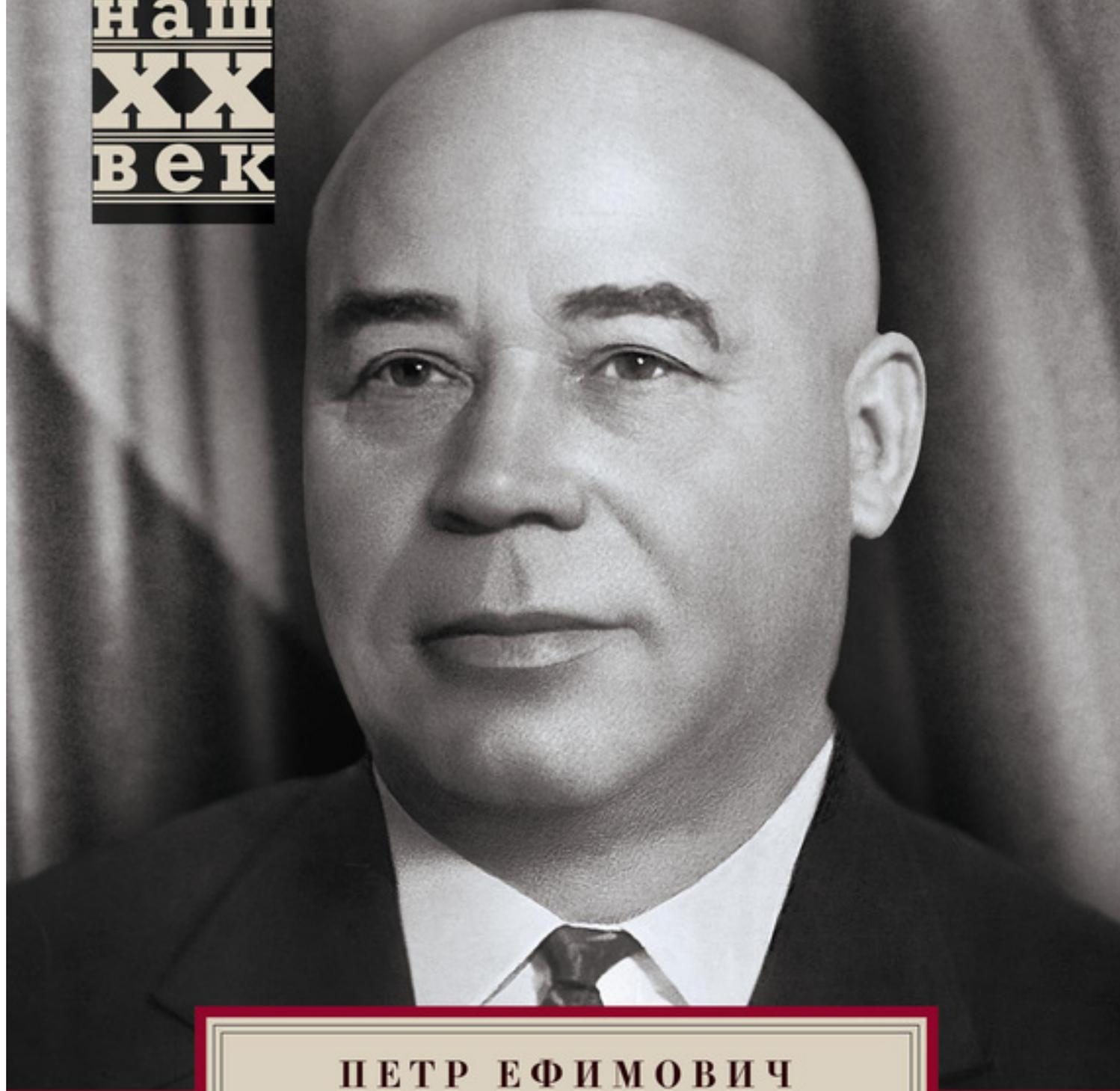

Наш
XX
век

ПЕТР ЕФИМОВИЧ

ШЕДЕСТ

ДА НЕ СУДИМЫ БУДЕТЕ
ДНЕВНИКИ И ВОСПОМИНАНИЯ
ЧЛЕНА ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС

Наш XX век

Петр Шелест

**Да не судимы будете.
Дневники и воспоминания
члена политбюро ЦК КПСС**

«Центрполиграф»

2016

УДК 929
ББК 63.3-8

Шелест П. Е.

Да не судимы будете. Дневники и воспоминания члена политбюро ЦК КПСС / П. Е. Шелест — «Центрполиграф», 2016 — (Наш XX век)

ISBN 978-5-227-06578-0

В политической истории Украины XX столетия Петру Шелесту принадлежит особое место. Пройдя нелегкий жизненный путь, он в 1963 году стал первым секретарем ЦК Компартии Украины. Поддерживал Н. Хрущева и его политическую линию, однако оказался среди тех, кто привел к власти Л. Брежнева. Выступал за подавление Пражской весны 1968 года и в то же время блокировал тотальное удушение инакомыслия в Украине. Признавал сталинский авторитет и одновременно требовал, чтобы московское руководство придерживалось официально декларированных принципов в отношениях центра и тогдашних «союзных республик». Был против демонтажа СССР и вместе с тем содействовал укреплению украинских национальных традиций, уважительному отношению к прошлому Украины. Его мемуары помогут найти ответы на многие вопросы нашей недавней истории.

УДК 929
ББК 63.3-8

ISBN 978-5-227-06578-0

© Шелест П. Е., 2016
© Центрполиграф, 2016

Содержание

Слово к читателю	6
Родом из Революции. «Без мечты человек не может жить»	8
Такие разные 30-е. «Работали, не считаясь со временем»	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Петр Шелест
Да не судимы будете. Дневники и
воспоминания члена политбюро ЦК КПСС

© П. Е. Шелест, наследники, 2016

© «Центрполиграф», 2016

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2016

Слово к читателю

Я, Шелест Петр Ефимович...

Сколько раз в жизни я испытывал какое-то особое чувство ответственности, написав эти слова. Сколько раз оглядывал прожитое и пережитое. Сколько раз ощущал на себе взгляды людей – близких и не очень, живых и уже ушедших в мир иной. Сколько раз? Да, сколько, сколько приходилось за многие годы писать автобиографии... Чуть ли не при каждом переходе с одной работы на другую. И всякий раз это был экзамен перед самим собой. Нет, не просто «перелистывание» лет, а их осмысление и оценка. Что в конечном счете на свете строже всего? Суд собственный. Свои выводы и оценки. Свои, но при условии, что ни солгать, ни приукрасить рука не поднимается. Даже когда наедине, один на один со своей памятью.

И вот передаю я в другие руки – в читательские – свою самую подробную, самую выстраданную автобиографию – книгу моей жизни. Книгу о виденном и сделанном, радостном и горьком, о вызывающем у меня и сегодня добрую улыбку памяти и о том, что и по прошествии десятков лет не дает мне покоя...

Перед читателем не мемуары. И этим я горд. И это меня тревожит, волнует. Ведь мемуары – особый жанр. В них все можно переписать задним числом – даже свою жизнь. А в данной книге – дневники, записи разных лет. Неправленные, неподстриженные. Они говорят о времени, о людях и обо мне так, как видел я в те годы, когда писал. В таком виде они и вошли в книгу. Поскольку уверен я – ни моя молодость буйная, подчас бесшабашная, ни зрелость не заслужили того, чтобы я сам вдруг начал чего-то стесняться, от чего-то захотел отказаться. Не все, конечно, из написанного вошло в книгу – слишком объемными оказались записи моих лет. Однако, сокращая даже важное, дорогое для себя, я оставил такими, как есть, страницы, суждения, имеющие, на мой взгляд, значение для истории и политики. Не произведено ни одного сокращения по каким-то иным соображениям, кроме объема.

Я смотрел и смотрю на свою жизнь открыто, с чистой совестью. Не все одобряю, не со всем соглашаюсь сегодня. Но не корю себя, давнего, так как действовал как разум и совесть подсказывали. Есть, безусловно, то, о чем жалею. И об этом тоже есть в книге. Но ошибки стали ясны – именно как ошибки – только по прошествии времени. Так какое же право у меня, знающего больше, увидевшего последствия, результаты когда-то начинавшегося, судить того Петра Шелеста, который действовал в своем времени? Действовал исходя из знаний и незнаний тех, пройденных лет? Нет у меня, нынешнего, такого права. Нет, поскольку только преступление совершивший и преступлению способствовавший должен, обязан судить себя. С преступлениями ведь ясно. Мораль и кредо вечные: не убий, не укради...

Есть, как известно, и суд истории. А он для человека, занимавшегося непосредственно политикой, да еще и большой, имеет значение огромное. Но вот что хотел бы сказать я читателю в данной связи.

Во-первых. События, свидетелем, участником (нередко и нерядовым) которых я был, уже получили оценку истории. Одни – окончательную. Другие – очередную, если хотите, конъюнктурную. Сколько же их было на моей памяти, оценок, называвшихся историческими, – не счесть. И сколько же раз, прикрываясь именем все того же суда истории, они пересматривались! Так что думаю я, убежден даже, что настоящий Суд Истории еще впереди. И надежда, и желание мое – пусть на Суде Истории, достойном такого написания, с большой буквы, будут и мои свидетельские показания.

Во-вторых. Не принято как-то у нас говорить (а для меня это очень важно!), что в преддверии Суда Истории всегда свершается суд поколений, пришедших вослед. Моему поколению заступило на смену уже не одно. И вот думается мне: что же положат, что кладут они на чаши весов своей Фемиды? Разные люди были и среди моих сверстников. Среди тех, кого мы

называли старшими, учителями, у которых были в учениках. Не только победы, но и поражения, трагедии, преступления ассоциируются в памяти поколений с моими современниками. Немало я повидал на своем веку. Не все и не всегда понимал. Но к чему же я, П. Е. Шелест, был причастен? За что я в ответе?

Так вот к чему и за что. Своей кровью платил за то, чтобы вырваться из холопства. Сам продирался сквозь тьму безграмотности и другим, как мог, помогал. Годы, десятки лет отдал тому, что было потом названо индустриальным могуществом Родины, военно-стратегическим паритетом Запада и Востока. Как понимал, на что силы и возможности были, боролся за чистоту моей партии, за счастье народа, за дело мира, справедливости и социализма. Всем, что было у меня, как говорят в народе – и кровью своей, и потом своим, – работал на нашу Великую Победу в той страшной войне с фашизмом. И в политике большой делал все, что считал тогда необходимым, чтобы увереннее, энергичнее развивалась страна.

Оказавшись на пенсии в то время, когда определилось брежневское время – застой, – в одном из вариантов книги главу о брежневском времени назвал «Крах». Я и сейчас так оцениваю тот период нашей социалистической истории. Только снял я теперь это название – «Крах». Тот крах подготовил новые крахи. Да какие! А как же иначе назвать развал великой страны, страшное обнищание народа, новый раздел на бедных и богатых? Как?

Мы, политики моего времени, были разными. Но все мы работали, боролись, добивались успехов и ошибались, вновь не щадя себя в поисках лучших путей, вариантов развития. Мы не смогли до конца очистить от извращений социалистические идеи. Мы были нередко жестокими, не всегда правыми. Но мы не позволяли никогда себе даже мысли о том, что дойдет страна до братоубийственных конфликтов и войн, что она может рухнуть. Рухнула. Да еще благодаря усилиям собственных доморожденных деятелей...

И все-таки верю я в лучшие времена. Пусть я их уже не увижу. Но верю. И в процветание моей родной Украины, народу которой я всю жизнь служил как сын, – верю.

Итак, перед читателем дневники, дневниковые записи. Они составляют девяносто процентов – и даже более – текста книги. Есть в ней, конечно, и мемуарные страницы, то, что было написано позже. Читатель сразу же поймет, где дневники, а где более поздние оценки и размышления. Думаю, однако, что «мемуарные проценты» не повлияли на историческую достоверность взгляда на время из того же времени, на события – изнутри тех же событий. Ибо не перестраивался я в угоду конъюнктуре, потому и на пенсии третий десяток лет «по состоянию здоровья». Покуда не признавал никогда сделок с совестью, моралью, и стоять на этом буду, пока бьется мое сердце – сердце украинца, советского человека, коммуниста.

Прочти, читатель, и пойми: таково было наше время, так я его понимал, таким и сам был. А закрыв книгу – подумай. Не спеши с выводами. История еще не разложила на чаши своих весов деяния настоящего. И верно говорится: «Не судите, да не судимы будете».

П. Шелест

Родом из Революции. «Без мечты человек не может жить»

Часто можно слышать: «судьба играет человеком» или «человек сам творец своего счастья». Но что такое судьба, никто не знает и ответа дать не может. Говорят: «Моя душа чувствует...» А что такое душа? На этот вопрос тоже нет вразумительного ответа. Если о судьбе душе спросить философов, то они могут «попытаться» объяснить. Философы – это категория людей, которые могут все объяснить, даже то, чего сами не знают. Они объясняют все, кроме реальной жизни.

За последнее время в нашей пропаганде появились крылатые, высокопарные определения: «судьба миллионов, судьба поколения, судьба ровесников». В общем, о судьбе говорят даже высокопоставленные политики, но это, как правило, совсем оторванные от реальной жизни люди. Если они жизни не знают, так откуда им знать, что такое судьба? И все же мы говорим: «судьба». Очевидно, это стечение обстоятельств, причин и случайностей в жизни человека.

Даже если взять одно поколение в одинаковой социально-экономической среде, то и при этом жизнь людей, их судьбы не могут быть одинаковы. Человеческую жизнь при всех попытках невозможно унифицировать, привести к какому-то «общегосударственному стандарту» и одинаковому отношению к тому, что окружает человека.

В мире, в любом обществе нет такого мгновения, чтобы не лились слезы, не было бы смерти или не появлялась бы новая жизнь, не звучал бы смех, не было бы радости, восторгов и любви. Надо иметь большой такт и ум, чтобы научиться понимать человека и не мешать ему, даже когда он просто молчит. В жизни могут быть самые невероятные совпадения. Жизнь – это людской океан, и он имеет свои тайники. У всех людей есть свои сокровенные тайны и пятна на совести. Уже одним этим судьбы-биографии и сама жизнь не могут быть похожи одна на другую.

Каждый прожитый месяц, год, даже день, не говоря уже о десятках лет, – это ведь не просто анкетные данные, биографические сведения: родился тогда-то, крестился там-то, с такого-то года учился, а затем работал, служил там-то. Это сухо, скупо и обедняет саму человеческую жизнь. У каждого человека жизнь по-своему сложна, подчас очень трудна, а иногда трагична. И о каждой жизни можно написать целые тома.

Хочется каждый год своей жизни, с тех пор как я себя помню, отразить в главных ее моментах, переживаниях, действиях, написать о встречах с людьми.

Чем больше человек прожил, познал и увидел жизнь, тем чаще он вспоминает свое детство, юность, молодость. Очевидно, таков закон самой жизни.

Свое детство я помню рано, лет с четырех-пяти, причем многие моменты детства мне запомнились очень ярко и отчетливо. Наша семья была не очень большая, но довольно сложная.

Отец мой после смерти первой жены, от которой осталось двое детей – Яков и Агафия, женился второй раз на вдове Марии Демидовне Павлюк, будущей нашей матери, у которой был сын Семен – сверстник Якова.

Мать наша Мария была очень красивой женщиной и моложе отца на тридцать пять лет. Да и отец был с нерастраченными силами, вот и появились на свет божий еще четверо общих их детей – Мария, Петр, Митя и самая младшая Юлия. Когда я родился, отцу моему было уже за шестьдесят лет. Всю жизнь я его помню только стариком, но стариком красивым, стройным, подтянутым, крепким. У отца была седая окладистая борода, усы и большая шевелюра, зачесанная назад. Сколько я помню, он всегда и неизменно курил трубку и никогда с ней не

расставался. Отец был строг, всегда замкнуто-сосредоточен, малоразговорчив, не любил балагурства. Если у него и были друзья, то только старые, проверенные товарищи по совместной долголетней службе в армии.

Дети по возрасту были разными, о чем можно судить по тому, что в день, когда я родился, мой брат по отцу Яков женился, так что справляли одновременно свадьбу Якова и мой день рождения. Когда я подрос, то стал замечать, что в семье часты были раздоры из-за того, что два взрослых сводных брата Яков и Семен не ладили между собой, хотя причины их ссор мне трудно было понять. Но помню, что Яков в скором времени уехал из дома и работал на железной дороге сперва рабочим, а затем старшим кондуктором на пассажирских поездах. Обязательно один раз в год он приезжал домой, к отцу. С нашей матерью у Якова были какие-то натянутые и довольно сдержанные отношения. Яков приезжал к нам в форменной одежде, с чемоданом и саквояжем, привозил всем гостинцы и подарки, и мы на него смотрели как на недостижимого человека. Отец им гордился. По тому времени Яков был грамотным человеком, умел хорошо читать, писать, знал отлично арифметику. Яков так всю жизнь и проработал на железной дороге в разных должностях на станции Лихая Ростовской области. Мальчишкой я несколько раз был у него в гостях. Он был членом партии и последнее время перед выходом на пенсию работал на профсоюзной работе. Вслед за Яковым и Семен ушел на заработки в Таврию, да так там и пропал без вести. Помню, что мать часто упрекала отца за гибель Семена, и временами этот разговор носил острый характер.

Сестра по отцу Агафия уехала в Харьков в домработницы и осталась там на постоянное жительство. Она вышла замуж за высококвалифицированного рабочего Владимира Коробко. Чета в Харькове имела небольшой, но очень уютный дом. На религиозные праздники, дни рождения отца и матери они приезжали к нам, привозили подарки, и все, в особенности дети, были рады их приезду. Наша мать называла Агафию «барыней», а ее мужа Владимира, рабочего человека, «паньчем», и это потому, что они одевались по-городскому, были грамотные и разговаривали не по-хохлацки, а на русском языке, хотя это и был, по сути, страшный «суржик».

Старшая моя единокровная сестра Маруся мало бывала дома. В летнее время то ходила на заработки, то работала в Харькове на сезонных работах. Постоянно дома с родителями были я и мой младший брат Митя.

Родился я в 1908 году в селе Андреевка Змеевского уезда Харьковской губернии, что в 60 километрах от Харькова. Ныне это огромный рабочий поселок, а тогда это было большое село, свыше пяти тысяч дворов. На главной, Дворянской улице стояли хорошие дома, добротные постройки, жила здесь «аристократия», конечно, сельская – лавочники, содержатели пекарен, шинков, закусовых. В центре села удобно расположился огромный базар с большими кирпичными лавками, лабазами и огромными подвалами. На Верхней улице находилась паровая мельница, больница, тюрьма. В конце села на огромной площади, где периодически устраивались ярмарки с множеством людей, пришедших по делу и просто портозейничать, шумно и задорно шла торговля разнообразными товарами. На ярмарке всегда было много цыган, которые бойко торговали лошадьми. Мы, мальчишки, любили ходить на ярмарку. Тут были цирковые представления с медведями, бродячими артистами, акробатами, фокусниками, гиревиками, карусели, музыка – одним словом, было шумно, интересно, весело. В нашем селе была гимназия, три начальные школы, две большие церкви, а следовательно, два прихода, два попа и дьякона, псаломщика и конечно же два прекрасных церковных хора.

По своему социальному составу село было довольно разнообразно: крестьяне, рабочие и служащие, работавшие в Харькове. Было много интеллигенции, большая рабочая прослойка. В этом сказывалась близость большого города – Харькова. Местная интеллигенция – это учителя, врачи, землемеры, работники железной дороги, телеграфисты, служащие почты, работники тюрьмы, служители культа, представители военных чинов, так как в Балаклее, Савинцах, Чугуеве, Малиновке располагались большие воинские подразделения и лагеря. Были торговцы

и лавочники, кустари, мастеровые, кузнецы, сапожники, печники, столяры, портные, даже был известный фотограф с небольшим павильоном и выставкой лучших фотографий.

Многие жители села занимались сельским хозяйством, хотя собственной земли было мало. Но ее брали у помещиков, занимались отходничеством, работали в экономиях, на сахарных заводах, лесоразработках – вот так и составляли свой необходимый доход для жизни и пропитания. У многих крестьян были большие приусадебные участки, где сажали картофель, разные овощи, коноплю, лен, были даже укусы сена. Село утопало в зелени садов. В каждом дворе – по лошади как минимум, корова, свиньи, овцы, куры, гуси, утки, немало пчел. Одним словом, хлеб был свой, и к хлебу было тоже кое-что из своего хозяйства.

Зажиточных хозяйств в селе было мало, больше беднота. Кулацкие хозяйства находились на «отрубках» и на хуторах.

Уже в то далекое время в нашем селе можно было видеть велосипеды, на которых большей частью щеголяли телеграфисты да сынки лавочников. Мы, мальчишки, гурьбой, подымая босиком пыль, старались перегнать «самокатчика». Приходилось видеть и автомобиль, на котором из города мог приехать «крупный человек» или помещик-сахарозаводчик Лисовицкий, имение и сахарный завод которого находились от села в 25–30 верстах.

Мой отец до 1905 года работал медником на сахарном заводе у Лисовицкого, но после какой-то забастовки, волынки или сходки был уволен. Некоторых участников забастовки привлекали к ответственности, били розгами, судили. Отца же только уволили, ибо он по тем временам был на «особом привилегированном положении» – он был кавалером Георгиевских крестов всех четырех степеней¹. Это, очевидно, и спасло его от привлечения к ответственности и телесного наказания. И, сколько я помню отца, он до самой своей кончины занимался сельским хозяйством, но не совсем удачно: всегда была нужда.

Мой отец нам с братом моим младшим часто и много рассказывал о своей жизни и нелегком своем жизненном пути. Из его рассказов мы многое узнали о далекой нашей родословной. Наш дедушка, Шелест Дмитрий, тоже служил около двух десятков лет царю-батюшке, а когда вышел в отставку и остался без всяких средств к существованию, занялся «ремеслом» – возил из села Опошня Полтавской области горшки на паршивой кляче. Дед был такой силы, что когда арба с горшками застревала в непролазной грязи и кляча не могла вывезти груз, то он распрягал лошадь, впрягался сам и вывозил горшки из грязи. При этом говорил: «Куда ей, бедняге, потянуть этот груз, я еле сам его вытащил». В одну из поездок дедушка наш надорвался, получил грыжу и вскорости умер, оставив шесть душ детей. Отец наш остался малолетним сиротой и пошел батрачить, да так и был в батраках до самого призыва в армию. По рассказам отца, его прадед, Шелест Степан, был сотником в Запорожском войске. Видно, был храбрым воином, потому что похоронен с почестями и воинскими знаками в Холодном Яру под Чигирином.

С самых малых лет отец приучал нас к труду, и мы в доме и по хозяйству выполняли все посильные нам работы. Отец по тем временам был грамотным человеком, читал много, откуда-то доставал книги. Писал хорошо, мог даже написать «прошение». К нему обращались, если надо было произвести какие-либо расчеты и подсчеты – он отлично владел арифметикой. С самых малых лет он и нас с братом приучал к грамоте. Сперва мы в три-четыре года выучили буквы, цифры, а затем научились читать, писать и считать. Отец нам покупал хорошие, красочно оформленные буквари, книжки со сказками. Перед тем как меня отправить в школу, он купил известную книгу «Сеятель»².

¹ Орден Святого Георгия был учрежден в 1769 году, имел четыре степени и предназначался вначале лишь для офицеров и генералов, проявивших особую храбрость в боях. В 1807 году он был введен для солдат и унтер-офицеров, а с 1913 года стал называться Георгиевским крестом. Полный георгиевский кавалер, имеющий награды всех четырех степеней, был особо почитаем.

² «Сеятель» – частное издательство Е. В. Высоцкого, работавшее в Петрограде (Ленинграде) в 1922–1930 годах. Ежегодно

По хозяйству отец все сам мог делать: сложить печь, вырыть колодец, сделать колесо для повозки, отремонтировать плуг, борону, мог по нашей просьбе сделать для нас и неплохую балалайку. Мог сшить сапоги, вычинить кожу, отремонтировать конскую сбрую. Одним словом, отец мог все сам делать по хозяйству, и ему многие мужики завидовали и прибегали к его услугам.

Может возникнуть вопрос: откуда по тем временам наш отец был таким грамотеем? Грамоте этой его научила двадцатипятилетняя служба в царской армии. Нам отец рассказывал, как он в солдаты пошел вместо своего старшего брата Захара. Отцу нашему шел семнадцатый год, старший брат был уже женат, имел двоих детей. По годам он должен был идти в солдаты. Но собрались родственники, начали жалеть Захара, его детей, жену – как же он всех оставит. Родственники начали уговаривать младшего брата Ефима пойти послужить в солдатах вместо Захара. Поставили магарыч – выпили не одну кварту водки и отправили Ефима в солдаты. Отец, очевидно, был крепким, стройным и видным молодым человеком, его направили в кавалерию.

В 1877 году Россия объявила Турции войну. С гусарским полком отправился и наш отец освобождать Балканы. Только в XIX веке народно-освободительные войны положили конец турецкому владычеству, и главную роль здесь сыграла Россия, русский солдат, который изгнал турок из Армении, с Кавказа, из Крыма, а затем и с Балкан. По вечерам часто и подолгу увлекательно отец нам, малышам, рассказывал о войне с турками, об освобождении Болгарии. Он говорил нам об ожесточенных боях под Плевной, на Шипке. Приводил эпизоды боевых действий и жестокости турок с мирным населением Болгарии. А когда он рассказывал о том, как эскадрон гусар под его командованием отбил у турок пленных женщин-болгарок и детей, мы слушали затаив дыхание, с биением сердца, со слезами на глазах. Нам временами было страшно, и мы представляли себе «этих турок». Много он рассказывал о генералах Скобелеве и Гурко, которых, как он говорил, ему приходилось видеть непосредственно на поле боя.

Мы тогда еще не имели понятия, где эта далекая Болгария, кто такие генералы Скобелев и Гурко, но в нашем детском воображении все рассказываемое отцом сводилось, сливалось в какую-то особую картину. А своего отца мы видели как героя, в боях защищавшего болгар-братушек, как называл их отец, малый народ, его детей и матерей от басурман. А наш отец действительно был героем в Турецкую кампанию. Четыре Георгиевских креста всех степеней – это говорит о многом. Был полным Георгиевским кавалером. Отец нам подробно рассказывал, когда, где, за какие боевые заслуги и действия его награждали «Георгиями». Но все это позабылось, да в ту пору мы толком и не могли ничего понять.

После окончания войны с турками и освобождения Болгарии отец оставался в Болгарии еще шестнадцать лет – обучал, как он говорил, «болгарских ополченцев» – там создавалась болгарская армия.

Спустя несколько десятков лет после смерти отца мне посчастливилось несколько раз побывать в Болгарии, и каждый раз я с замиранием сердца смотрел многочисленные памятники в честь русского солдата-освободителя. Неоднократно я бывал в исторических музеях Болгарии, где ярко отражены дружба и боевое сотрудничество болгар и русских. Видел документы, которые говорили о создании болгарского ополчения, и заслуги в этом русского офицера и солдата. Посещая Плевну, Шипку, смотря на бюсты генералов Скобелева и Гурко, я каждый раз вспоминал рассказы отца о Болгарии, болгарском народе, об освободительной миссии русского солдата. И мне казалось, что на болгарской земле я слышал голос своего отца – теперь уже, как взрослый, я вел с ним разговор на равных. И каждый раз, вспоминая мужество и героизм русского солдата в освобождении болгарского народа из-под турецкого ига, я вспоминаю сво-

его отца и горжусь им как героем Русско-турецкой войны. Отец «дослужился» до воинского звания унтер-офицера, прослужив в царской армии более двадцати лет. Это была большая, многолетняя, суровая и трудная школа жизни, оставившая свой отпечаток на всю жизнь.

Отец наш был простой как человек и гордый как солдат, дисциплинированный, собранный и обязательный. Суров и мягок, доброжелателен к людям, требователен и справедлив. Трудолюбивый и заботливый, доверчивый и разборчивый, мне казалось, что он во всем проявляет смелость, находчивость, осмотрительность, осторожность, бдительность и неподкупность.

На селе у нас было несколько фамилий Шелест, и каждая носила уличную кличку. Какой Шелест? Следовал ответ: сапожник, музыкант, машинист, печник, портной, плотник, рыбак, кондуктор, телеграфист и т. д. Но когда речь заходила о нашей фамилии, то говорили: «Шелест – Георгиевский унтер-офицер». Отец гордился этим, а мы, малыши, почему-то обижались, очевидно не понимая до конца смысла и содержания слов «унтер-офицер» да еще «Георгиевский». Отец наш имел огромный авторитет, и не только среди односельчан, а и во всей округе. Его уважали и побаивались даже урядники и старшины. Стар и мал с отцом первыми здоровались: «Добрый день, Ефим Дмитриевич» – и он почти неизменно старому и малому отвечал по-строевому: «Здравия желаю». Георгиевские кресты отец надевал только по особо торжественным случаям, праздникам, когда происходил сход села. Отцу неоднократно предлагали занять какую-нибудь административную должность в селе, но он каждый раз отказывался от этого «почета».

На сходках вокруг него группировались люди, в какой-то мере оппозиционно настроенные против местных властей. Особенно его уважала и благоволила к нему молодежь. За Георгиевские кресты отец получал какое-то вознаграждение, это было большим экономическим подспорьем для нашей семьи и скудного отцовского хозяйства. Еще в дошкольные годы я хорошо помню, как на полученные деньги за кресты отец закупил лес в Мохначиских лесах, и мужики зимой на санях перевозили лес в деревню. Весной лес распилили, а к осени уже была построена хорошая изба в пять окон. Впоследствии этот дом в голодном 1921 году был обменян на какую-то развалюху с придачей 12 пудов пшеницы. Это было сделано, чтобы семья не погибла от голода. Но и это не спасло положения: семья недоедала в двадцать первом, а уж в 1922 году голодала страшно.

Шести лет, в 1913 году, я пошел в школу. Отцу и матери так хотелось, чтобы это случилось скорее, в особенности матери, очевидно, потому, что она сама была неграмотной и ей хотелось, чтобы я пораньше научился грамоте – не упускал бы зря время. Школа от нашего дома была где-то в двух верстах, мне не составляло труда ходить туда. В школу я пошел с большой охотой и к ней был неплохо подготовлен – мог читать и считать. Четырехлетняя школа наша называлась «земской»³.

Это было хорошее одноэтажное кирпичное здание, покрытое оцинкованным железом. В школе были четыре классные комнаты, просторные, с отличным освещением, учительская комната, кабинет природоведения, кабинет директора школы. При школе были хорошие квартиры для учителей, огород на 2,5–3 гектара, на котором мы, учащиеся школы, под руководством учителей и сторожа школы – отставного солдата Зарубы проводили все полевые работы. Вот это и была наша трудовая практика. Были надворные постройки: хороший сарай для хранения сельхоз-инвентаря, дров и угля для отопления школы. Во дворе школы находился колодец питьевой воды с ручным насосом. Вся территорию школы ограждал добротный забор, а хозяйство содержалось в образцовом порядке. И это при одном стороже-завхозе и одной убор-

³ Земские школы – школы с 3–4-летним сроком обучения, открывавшиеся земствами в дореволюционной России. Земства (земские учреждения) – выборные органы местного самоуправления, ведавшие просвещением, здравоохранением, дорожным строительством и т. д. Существовали в 1864–1918 годах.

щице. Тогда не возникало вопроса о нашем трудовом воспитании – ведь мы в эти годы в меру своих сил трудились дома и в школе, и это было законом.

Состав школьников по возрасту был довольно разношерстный: от таких, как я, первоклассников, до великовозрастных «дядь». Были ребята, которым исполнилось 15–16 лет. Некоторые из них «просиживали» в одном классе по одному-двум годам сверх установленного срока. Они-то, «великовозрастные», и верховодили над нами, малышами, часто измывались, а боялись только сторожа школы, ибо он им не давал никакого спуска.

Коллектив учителей был очень хороший, среди них несколько молодых девушек-учительниц. В особенности две из них, сестры Наташа и Юлия, выделялись своей красотой, душевно относились к нам, малышам, сельским ребятишкам. Мы их просто любили, как старших сестер.

Среди учительского состава и его школьного совета был и поп – отец Тихон, который преподавал нам Закон Божий. Под его руководством мы всем классом исполняли божественное песнопение, в том числе и «Боже, царя храни». Отец Тихон в школе имел большое и особое влияние, ибо в те дни, когда он появился в школе, все учителя к его приходу, вернее говоря, приезду – он всегда приезжал на пролетке с кучером – усердно готовились. Отца Тихона все побаивались, и на школьном совете и при переводных экзаменах из класса в класс он имел решающее слово.

Поп был еще молод, лет тридцать – тридцать пять, строг и требователен к нам. За незнание или даже за недостаточное знание урока Закона Божьего или молитвенника он беспощадно наказывал учеников: бил квадратной линейкой по пальцам рук, по лбу, мог ударить церковным ключом или дать такой щелчок, что искры из глаз сыпались. Не один раз перепадало и мне от отца Тихона, хотя я и учился прилежно, в том числе и Закону Божьему.

Мы все очень боялись попа. Когда он наказывал школьника, то приговаривал: «Балда Божья». Мы, в особенности постарше нас школьники, его между собой называли: «Поп – балда Тихон».

Я хорошо помню начало первой империалистической войны в 1914 году. Проводы мужиков в солдаты, плач жен, невест, матерей и детей, суровые лица стариков. Сбор на церковной площади, молебственная служба отца Тихона, а затем погрузка на станции в железнодорожные эшелоны. Многие ушли из нашего села навсегда, оставив сирот, вдов, стариков на произвол тяжелой судьбы. Помню, как начали возвращаться домой инвалиды войны – кто без ноги, а то и без обеих, кто без руки, без глаз и чахоточного вида, отравленные газом. Нам, детям, страшно и жутко было смотреть на искалеченных, непригодных к труду людей. Вернулся с войны без левой руки по локоть и родной брат нашей матери, дядя Ульян. Это был красивый молодой жизнерадостный человек. Вернулся он героем – на груди с Георгием, но хорошо, что этот герой был мастеровым человеком, плотником-столяром и приспособился работать правой рукой, поддерживая культей отсутствующей руки. Его работа давала ему возможность как-то жить. Мы, дети нашей семьи, очень любили дядю Ульяна за его веселый нрав, общительный характер, за теплое отношение к нам.

Однажды в нашем селе произошел особый случай. В одно утро над селом в небе появился дирижабль. Он вызвал панический страх. На нашей улице собралась огромная толпа народу, большинство женщин, детей, стариков – молодых подчистила рекрутчина. Многие вставали на колени, падали ниц, крестились, голосили и приговаривали, что это предзнаменование «конца белого света». Мы, мальчишки, в этой людской панике тоже основательно трусились. Но когда появился наш отец, бывалый солдат, выдавший виды, он постарался успокоить односельчан, разъяснил им суть «явления», и они все разошлись по домам.

Как ни странно, прошло с той поры около семидесяти лет, а я отлично помню до мельчайших подробностей многие эпизоды школьной жизни, даже помню лицо моей учительницы Наталии Ивановны. Помню всю школу, ее обстановку и класс, в котором я занимался. Спустя

почти сорок пять лет, будучи в своем селе, я посетил родную школу, беседовал с учителями, учениками, побывал в своем классе, посидел за партой, где проучился четыре года.

Теперь мне все показалось таким маленьким и немного обветшалым, но было очень приятно вспомнить детство и школьные годы. От себя лично я подарил школе портрет Т. Г. Шевченко, инкрустированный по дереву, и это было тем более кстати, так как школа теперь носила его имя. Коллектив учителей тепло поблагодарил за подарок и посещение. Не утерпел, попил я воды из того школьного колодца, из которого пил воду, еще будучи школьником.

Школу я уже кончал без попа – во всяком случае, его не было на экзаменах, без портретов царя и его царственной семьи. Экзамены выпускные я сдал на «отлично» и получил похвальный лист. Итак, я стал грамотным, чем особенно гордилась моя мать.

В селе появились пленные «австрийцы» – так называли здесь всех пленных, хотя среди них были и немцы, и мадьяры, и другие союзники Германии. Пленных давали крестьянам в помощь для сельскохозяйственных работ, и это в первую очередь солдаткам и вдовам. Немало «австрийцев» осталось жить в нашем селе, создав свои семьи. Детей, прижитых ими с нашими женщинами, называли «австрияками», но это было незлобливо. Наши пленные в Германии имели право на переписку, и я помню, что не один десяток писем под диктовку старших мне пришлось писать нашим односельчанам, находившимся в плену у «германцев».

А жизнь становилась все труднее и тревожнее. Царя нет, попа тоже нет, а если поп и оставался, то он был уже без определенного «авторитета и влияния». А тут начался разбой, появлялись банды, а известно, что трудовой человек не может жить без порядка, определенности, закона. Оставшиеся мужики в деревне и вернувшиеся инвалиды с войны часто собирались и вели разговор о жизни и власти, каковы они будут. Но никто определенного и вразумительного пока что не мог сказать и хотя бы предопределить. Казалось, что произошли какие-то огромные перемены, говорили о перемирии с «германцем», говорили о какой-то революции, но внешних перемен пока что не было заметно.

То было время Февральской революции, Временного правительства, двоевластия⁴. Трудно было не только крестьянину, но и рабочему разобраться во всей этой «политической кутерьме». Февральская революция совершилась, но война еще продолжалась. Гибли солдаты, оставались вдовы, сироты, старики без присмотра, семьи без кормильцев. Шло пополнение инвалидов без рук, без ног, глухих и слепых, отравленных ипритом. Все это горькое, трагическое было рядом, и его никто не хотел из трудового народа.

Шла политическая, идеологическая, классовая борьба, но ее мало кто понимал из простых людей. Проходили собрания, сходки, митинги, в ораторах не было недостатка, и каждый из них восхвалял свои «идеи», рисовал благоденственную жизнь трудовому люду, призывал голосовать за его программу. Но все эти программы, «идеи» и речи оставались темными и малопонятными. Помню, как происходило какое-то голосование по цветным бюллетеням: красным, синим, зеленым и белым. Среди мужиков, да и среди рабочих много было разговоров и споров: какими же бюллетенями надо голосовать?..

Наша деревня Андреевка не была каким-то исключением в том тревожном времени, она, наоборот, казалась более прогрессивной и просвещенной, ведь она находилась всего в 50 километрах от большого промышленного и научно-культурного центра – Харькова. А ведь были отдаленные от железной дороги, глухие, просто захолустные села. Там совсем была темень беспроектная. Но даже самая захолустная деревня имеет свою историю и отдельных замечатель-

⁴ Двоевластие – своеобразное переплетение двух властей в России после Февральской революции (1–2 марта – 5 июля 1917 года): буржуазной в лице Временного правительства и революционно-демократической в лице Советов. Поддержка Советами Временного правительства, политика последнего вызвали резкое недовольство масс. Обострение положения привело 4 июля 1917 года к расстрелу мирной демонстрации и к полной передаче Советами власти Временному правительству, что означало конец двоевластия и мирного этапа развития революции.

ных людей. В то тревожное, неопределенное время такие люди более остро проявляли свой характер и стремления. Был такой человек и в нашем селе, по фамилии Малыхин. Рабочий из Харькова, он-то, как говорили, «заворачивал» всем в нашем селе. Мужики уже тогда говорили, что он большевик, а что это означало, никто толком не знал, да и не понимал. Малыхин был руководителем «Просвиты»⁵ в нашем селе, а впоследствии – председателем райисполкома, так как наше село стало райцентром.

Был и второй знаменитый человек на селе – Валковой.

Занимался извозом. Очень острый на язык, большой балагур, имел большую популярность среди населения, умел экспромтом на любую тему сочинить стих, каламбур, высмеять каждого. За остроту языка и незаурядные способности в ораторском искусстве его многие побаивались. Говорили, что он принадлежал к эсерам, но что это означало, мужиков тоже мало тревожило. Споры, стычки на сходках, собраниях, митингах почти всегда происходили между Малыхиным и Валковым. Часто из Харькова наезжали сторонники того и другого – тогда это придавало дискуссиям особую остроту, вплоть до физических мер воздействия. Из Харькова приезжали люди по-городскому одетые, а некоторые в форменной одежде железнодорожников, студентов, какие-то чиновники. Называли у нас их «панычами».

Первые дни Октябрьской революции мне хорошо запомнились. На большой площади у церкви соорудили примитивную деревянную трибуну-помост, обтянутый красным кумачом, много было красных знамен. На митинг собралось наверняка свыше двух тысяч человек. У ораторов на груди красные банты. Выступающие говорили впервые открыто о большевиках, о Ленине, об Октябрьской революции, о большевистской программе. Много говорили о том, что теперь царя нет, власть будет народная, не будет богатых и бедных, а все будут равны. Помещичья земля перейдет крестьянам, фабрики и заводы – рабочим, все, что является твоим, – мое, а мое – твоим. В выступлениях ораторов было много путаницы и тумана. Среди мужиков была своя поговорка: «Твое – мое, а мое не твое». Веками хотя и скудная, бедная, но была своя собственность, и как сразу от нее отречься – отвергнуть ее, посягнуть на чужую «священную собственность»? Поэтому когда началась «ликвидация» помещичьих усадеб, далеко не все мужики участвовали в этих «мероприятиях». А по правде сказать, проводилось все это просто варварским способом – усадьбы, дома жгли, ломали, уничтожали. Даже термин был свой выработан: «Поехали грабить экономию Лисовицкого». И действительно, грабили, уничтожали дома, особняки, надворные постройки, как будто бы руководствовались словами: «Весь мир насилья мы разрушим до основания, а затем мы наш, мы новый мир построим». Да, рушить и уничтожать гораздо легче, чем строить.

Из экономий из помещичьих усадеб к себе в хозяйство вели скот, везли сельскохозяйственный инвентарь, а также диваны, шкафы, столы, стулья, пианино, рояли, зеркала, бочки, ведра, тазы, даже статуи. Одним словом, брали все, что попадало под руки. А что из привезенного домашнего имущества не входило в крестьянскую избу, то вносили по частям или составляли в сараях и клунах.

Мой отец не участвовал в погромах помещичьих усадеб, он даже осуждал этот акт насилия, говоря при этом: «Раз это все богатство принадлежит народу, так зачем же все это жечь, уничтожать, ведь во всем этом богатстве заложен труд народный?» Моя мать, я хорошо помню, неоднократно говорила отцу: «Юхим, ты бачиш, що люди везуть з економии добро, чому ж ты не пойдеш, може, тобі б що досталось». Отец каждый раз резко обрывал разговор на эту тему. И я хорошо помню, что только спустя два или три года, когда уже и фундаменты сожженных помещичьих усадеб заросли бурьяном, мы с отцом поехали на усадьбу набрать подводу кир-

⁵ Просвита (изба-читальня) – один из видов клубных учреждений в СССР в 20–30-е годы. Играли особую роль в культурно-просветительской работе в деревне.

пича из разобранного подвала для строительства печи в нашей хате. Вот и все «богатство», что досталось нам от усадьбы помещицей.

Помню еще более поздний эпизод «обогащения». На железнодорожной станции стоял состав, груженный сахаром, цистернами с патокой. Тогда старшая сестра Мария, ее муж, Нико-ненко Федор, и я в общей суматохе участвовали в разбитии вагонов и принесли домой два мешка сахара и два ведра патоки – это был настоящий «праздник» для нас, голодных.

Начался раздел помещицей земли. В этом акте участвовал и я как «писарчук», который мог писать и считать. Наша семья получила надел: три десятины земли, по числу едоков. Но встал вопрос, как же обрабатывать эту полученную землю? У нас, правда, была одна лошадка, выбракованная из армейских и подаренная отцу каким-то командиром Красной армии. Из сельскохозяйственного инвентаря были плуг и борона, но требовались еще рало и каток обязательно. Пахать одной лошадей тоже невозможно. Вот тогда и появились товарищества по совместной обработке земли (ТОЗ)⁶. Это называлось «спрягаться», и мы с соседом нашим Чагов-цем «спрягались», при этом я был несменным погонщиком. Такова была обработка на первых порах полученной земли.

В 1918–1919 годах в нашей всей округе были германские войска – они по Брестскому миру⁷ оккупировали наши края. С приходом немцев вновь появились помещики и сахарозаводчики – начался возврат имущества и скота помещикам, а вместе с этим и порка мужиков за «разграбление» экономий и сахарных заводов.

В наших краях против германцев действовал вооруженный отряд. Немцы называли эти отряды «бандитами». На самом деле это были зародыши партизанского движения. В этих группах воевало большинство молодежи, парни 17–18 лет, были и постарше люди. Я хорошо помню, что в этом отряде участвовали два моих двоюродных брата Шамрай – Савелий и Сашко, ближайшие наши соседи – Дегтярь Кондрат и Максим Мошура. Базировалась эта группа на острове, в лесу, за рекой Северский Донец. В одной из вооруженных стычек с немцами на реке Донец многих молодых парней убили, многие раненые потонули в реке. Дегтяря Кондрата немцы доставили к отцу и потребовали, чтобы он самолично физически наказал своего сына в присутствии населения, обещая оставить его в живых. Было согнано все население нашей улицы и прилегающей к ней, сын был наказан отцом. Но затем германцы Кондрата отправили в Харьковскую тюрьму, где он и погиб. Сашка Шамрая мы с сестрой Марией прятались в своем погребке целую неделю.

Затем совсем как-то неожиданно и поспешно немцы покинули наши места. Мужики говорили, что в Германии тоже произошла революция, но толком никто ничего не знал.

После ухода немцев наступили менее тягостные времена, но тоже они были нелегкими для простого люда. В селе, как будто по расписанию, чередуясь, появлялись красные, белые, разного толка и направления разрозненные отряды и банды. Населению не было никакого покоя, приходилось покоряться любой пришедшей власти. Наш населенный пункт с его железнодорожной станцией под грохот орудийной канонады и пулеметной дробы несколько раз с

⁶ Товарищества по совместной обработке земли (ТОЗ) – форма сельскохозяйственной производственной кооперации в первые годы советской власти. Существовали до коллективизации (конец 20-х – начало 30-х годов). ТОЗы – далеко не единственные жертвы коллективизации сельского хозяйства в СССР. В ходе нее были насильственно ликвидированы традиционный уклад жизни деревни, большинство иных видов кооперации, насаждались внеэкономические отношения в сельхозпроизводстве, во взаимоотношения города и деревни в целом, погибли и были репрессированы миллионы людей. По основным показателям сельское хозяйство страны после сталинской коллективизации смогло выйти на довоенный (1913 год) и нэповский (вторая половина 20-х годов) рубежи только в конце 30-х годов.

⁷ Брестский мир – договор, заключенный в Бресте в марте 1918 года между Советской Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией, с другой, с целью выхода России из войны. При этом Германии отходили Польша, Украина, Прибалтика, часть Белоруссии; Турции – часть Закавказья. Договор был аннулирован советским правительством в ноябре 1918 года после революции в Германии. Рассматривался в свое время одними как вынужденный дипломатический маневр советского правительства, другими – как предательство национальных интересов страны.

боями переходил из рук в руки. На железнодорожной станции часто появлялся бронепоезд. Не один раз нам, детям с матерью, приходилось отсиживаться в погребе. Наш отец при любой обстановке и перемене власти неизменно находился во дворе и при этом надевал свои награды – Георгиевские кресты. Так как на всей улице у нас хата была самая большая и красивая, к тому же стояла на пригорке, то она всегда привлекала постояльцев. Останавливались у нас и красные, и белые, и, к удивлению, и те и другие относились к отцу с каким-то особым, подчеркнутым уважением. Очевидно, уважали и видели в нем старого, заслуженного солдата, выдавшего виды на своем веку.

Помню один сложный случай, который чуть было не закончился трагедией для отца. Это было глубокой осенью. Через наше село проходила какая-то большая воинская часть Белой армии. Шли пехота, артиллерия, кавалерия и обоз. Отец стоял во дворе у калитки, я рядом с ним. Подъезжает верховой к калитке и требует у отца фуража для лошади. Отец отвечает, что у него фуража нет. Всадник замечает: «А вот стоит стожок сена». Отец отвечает, что сено приготовлено для своих нужд. Беляк напирал на калитку, пытаясь прорваться во двор, в это время на него бросается наш дворовый огромный и злой пес Рябка. Беляк выхватил из ножен пашку, пытаясь зарубить собаку. Отец стал между псом и беляком, который закричал: «Уйди, старик, а то разрублю пополам». Отец отступил от калитки, обозвал беляка «сопляком», и между ними завязалась по-настоящему солдатская перепалка. Беляк выхватил из кобуры наган и опять закричал: «Отойди, старик, иначе застрелю». В какой-то миг это могло и случиться. На перебранку подоспел какой-то офицер. Тогда отец, расстегнув свой кафтан и обнажив этим на своей гимнастерке все четыре Георгия, выставил грудь вперед и крикнул: «Стреляй, сопляк, в старого солдата». Подъехавший офицер как-то сразу оторопел, прикрикнул на беляка, отдал честь отцу, извинился за происшествие и удалился. Я был живым свидетелем всей этой почти трагической сцены. Перепугался до смерти, расплакался и запомнил этот эпизод с Гражданской войны на всю жизнь.

В это время мужа моей сестры Маруси, Федора, белые мобилизовали в свою армию, произвели в какой-то нижний офицерский чин, и он ушел с беляками на юг Украины. Спустя несколько месяцев он пришел домой, хорошо помню – в офицерской форме, с оружием. Затем переделался в гражданское, спрятал оружие, а сам скрывался на чердаках, в подвалах. Когда Красная армия заняла наше село, он ушел с красными и воевал всю Гражданскую войну. По возвращении из армии работал рабочим, а затем мастером на железной дороге по ремонту путей.

Кроме наезжих банд, у нас в селе было несколько своих «доморощенных» со своими «предводителями», и они часто враждовали между собой, а вместе терроризировали, грабили, убивали и насиловали население. Самая оголтелая банда в нашем селе была под предводительством некоего типа по фамилии Невода. Мужики, молодые хлопцы не могли больше терпеть издевательства и оскорблений. Как-то ночью подстерегли на улице самого Неводу и железными прутьями на месте покончили с ним. Я был свидетелем этого убийства и смотрел с ужасом на его труп. После убийства Неводы остальные немного попритихли, но еще долго пришлось с ними бороться. Эта доля не обошла и меня. Когда я был уже в комсомоле, то был и в составе ЧОНа (частей особого назначения)⁸.

Говорят, что война была гражданской, а почему она называлась гражданской войной? Кто может внятно и достоверно дать ответ на этот вопрос? Если воевали граждане одной страны за свои права, то это так, но ведь не это решило исход дела. Воевали две армии: Белая – организованная, многочисленная, хорошо вооруженная, поддерживаемая Антантой, следовательно,

⁸ Части особого назначения (ЧОН) – военно-партийные (партии большевиков) отряды, создававшиеся в 1919–1925 годах для помощи советским органам в борьбе с контрреволюционной деятельностью. Формировались, как правило, из членов РКП(б) и комсомольцев.

она представляла собой определенный класс, систему, политические и идеологические убеждения, и Красная армия, еще молодая, мало обученная и слабо вооруженная, представлявшая собой другой класс, другие убеждения, идеологию, политические взгляды. Были и партизаны. Их отряды играли большую роль в этой классовый борьбе, но они не были решающими. Как же назвать эту войну? Она, безусловно, была классовый войной, хотя многие этого и не понимали.

Эта война окончательно разорила хозяйство страны, промышленность – все пришло в запустение и упадок, почти не было никаких промышленных товаров. Сельское хозяйство тоже оказалось в полнейшем разорении, а тут еще вдобавок обрушились жесточайшие засухи, которые вызвали неурожай и голод. Большинство народа буквально страдало, искало выход, как прожить, как выжить. Спекуляция, грабежи, обманные операции, создание «натурального хозяйства» – вот было тогда лицо страны. Чтобы наша семья не погибла от голода, как я уже упоминал, отец обменял свой хороший дом на развалину – «хижину на курьих ножках», при этом взял в придачу 12 пудов зерна-суррогата. Все, что возможно было, меняли на кусок хлеба, фунт муки, пшеница, гороха. В зимнюю стужу, метель, морозы я со своей матерью ходил верст за 30–40 от своего села на хутора, чтобы принести несколько фунтов муки, жмыха или какой-нибудь еды. В один из таких «походов» нас в пути настиг сильный буран, и мы чудом каким-то уцелели. Наши соседи – мать с сыном, моим сверстником Степаном, и дочерью Наташей 15 лет – замерзли в степи, и их нашли под снегом только спустя две недели. Приходилось мне ездить на буферах, крышах вагонов с углем на станцию Яма за солью. Пуд соли в двух узлах через плечо, верхом на буфере между вагонами – таков в основном был наш транспорт. Сколько погибло людей, в том числе и моих сверстников, под колесами железнодорожных вагонов! Но соль – это была ценность, на нее можно было выменять хлеб, зерно. Голод заставлял, гнал из дома в поисках спасения от голодной смерти.

Зиму 1919 года как-то мы всей семьей прожили, и все остались живы, хотя от недоедания и голода далеко не были здоровы. Приближалась весна, а с ней и вся надежда: пойдет трава, крапива, рогоза, щавель, уже можно будет жить. В детстве я переболел почти всеми болезнями: оспой, брюшным тифом, малярией, желтухой, корью. И все переносил тяжело, а теперь еще голод давал о себе знать. Весной с сестрой Марией я отправился на заработки, за 95 верст от нашего села, как тогда говорили, «в экономию», но теперь это был один из первых совхозов на Полтавщине. До совхоза шли большой компанией целых три дня, ночевали где придется. В экономии жить нас разместили всех вместе на чердаке воловни, прямо на сеновале.

Столовая находилась в каком-то бараке, еду в ней давали два раза в день: кусок хлеба с какой-то примесью и котелок на двух человек пшенной каши со старым подсолнечным маслом – это было уже очень хорошо. Меня определили пасти свиней и коров, так что я был действительным свинопасом, но на «особом» положении. Поздно вечером, когда я пригонял все стадо на усадьбу с поля, после дойки коров мне полагалась кружка парного молока, это меня очень поддерживало. Пасти свиней и коров было нелегко. Целый день на жаре, холоде, под дождем, на ветру. Гонять скот надо было на водопой к стоку за три километра, стадо мое разношерстное: коровы идут в одну сторону, а свиньи – в другую. Бывало, до основания выматываешься за день и к вечеру падаешь просто замертво. А рано, чуть свет, надо выгонять на пастбище скот. Весной в разгар полевых работ меня «повысили», я стал уже погонщиком волов при пахоте, бороновании и севе, а в летний период водовозом. Вozил питьевую воду работающим в поле по прополке сахарной свеклы, к жаткам и вязальщицам снопов на уборке пшеницы. За мной были закреплены лошадь, телега, две бочки, четыре ведра и несколько десятков эмалированных кружек. Особенно в жаркую погоду меня с нетерпением ждали в поле работающие – хотелось каждому чистой холодной родниковой водички. Меня знали в нашем отделении все и называли «Наш Петька-водовоз». Я гордился этой своей «популярностью». В мои обязанности входило также ухаживать за лошастью, кормить, поить и чистить ее, держать в исправности телегу, в надлежащей чистоте бочки. И конечно же строго по расписанию доставлять воду

работающим людям в поле. За всю эту работу мне шла заработная плата наравне со взрослыми. Все складывалось неплохо, я даже перешел ночевать с общего чердака воловни на сеновал, возле конюшни. Моим наставником был старший конюх. Мне он тогда казался уже пожилым человеком, а ему-то было всего лет 30–35. Имени я его теперь уже, к сожалению, не помню, но он относился ко мне, как к родному сыну. У него я научился многим хозяйственным премудростям и, как он говорил, «фактам».

Но, несмотря на теплоту и заботу этого человека и общее хорошее отношение всех ко мне, и в особенности девчат – подруг Марии, я все же сильно скучал по дому. По отцу, матери, младшему брату Мите. Временами, в особенности вечерами и ночью, тоска по дому, по родным местам, знакомым с самого раннего детства, доводила меня до слез. Я плакал, скрывая свою слабость от взрослых. Чувство первого расставания сжимало сердце от каких-то воображаемых «недобрых предчувствий», очевидно свойственных ребенку, впервые покинувшему отчий дом, родные места, мать, отца, своих близких. Все время мне представлялось в воображении, какой будет встреча после окончания работы. А домой мы могли возвратиться только после Покрова.

Пришел срок расчета – и оказалось, что я заработал наравне со старшей моей сестрой Марией. Возвращались домой тоже большим коллективом, под охраной мужиков и молодых парней, ведь были все с деньгами, а в то время основательно пошаливали разные банды и грабители. Наш заработок основательно помог семье. Но запасов оказалось мало, хватило их ненадолго, и снова недоедание, а потом и голод протягивали к нам свои костлявые руки.

Надо было искать выход из создавшегося положения. И «выход» был найден. В феврале 1920 года меня определили в батраки к зажиточному крестьянину Земляному на хутор Пришиб, что в 20 верстах от нашего села. Мой теперешний хозяин поставил при найме меня в батраки условия: я обязан «служить» у него не менее года и делать все как его работник. За это мой хозяин дает нашей семье 4 пуда пшеницы и по окончании моего срока «службы» одевает и обувает меня с «ног до головы». К тому же было условлено, что если я буду работать хорошо, то при окончательном расчете я получу еще пуд пшеницы и пуд проса.

Итак, в 12 лет я стал батраком. Хозяйство Земляного по тем временам было средним: три пары волов, четыре пары лошадей, шесть коров, молодняк крупного рогатого скота, свиньи, овощи и множество птицы. Хорошие хозяйственные постройки, добротный дом, весь необходимый инвентарь. Была у хозяина конная молотилка, триер, несколько веялок. Одним словом, имелось все необходимое для хорошего хозяйства, для обработки 25 десятин земли, которые были в его собственности, да он еще арендовал 5–6 десятин земли. Земляной имел какое-то агрономическое образование, у него было много книг по земледелию, и он выписывал периодическую литературу по сельскому хозяйству. Впоследствии, после его раскулачивания, он работал в райземотделе как специалист.

Семья хозяина была небольшой: он сам – красивый статный мужчина, жена – маленькая, черная, сухая и до невозможности злая и скупая женщина, его мать, уже пожилая женщина, добрая и ласковая старуха, и приемная дочь Наташа лет 7–8 (у Земляных своих детей не было). Чтобы справляться со всем хозяйством, конечно же одних рук хозяйки и хозяина не хватало, хотя они и были по-настоящему работающими людьми и трудились от зари до зари. Постоянно у Земляного был работник Степан лет 30–32, крепкого телосложения, очень работающий и смысленный. Он был глухонемой. Говорили, что он был красив. Степан как-то по-особому обрадовался моему прибытию и все время моего батрачества относился ко мне с большой теплотой и покровительствовал мне. Чувствовалось, что Земляной Степаном дорожил, но и побаивался его. Степан же относился ко мне с такой заботой и любовью, что мог из-за меня пойти на любой конфликт с самим хозяином, но об этом немного позже. Была еще и работница. Помню, что звали ее Верой, ей было лет 25–26, говорили, что она круглая сирота и живет у хозяина очень давно. Вера была тихая, скромная, небольшого роста, волосы льняные, черные брови, глаза зеленые. Она всегда улыбалась. Как я замечал, со Степаном они дружили. Относилась она ко

мне с какой-то лаской умной женщины. В мои обязанности входило во всем помогать Степану, делать все для меня посильное, что скажет хозяин и хозяйка. Мне приходилось пахать, бороновать, сеять, возить хлеб и сено с поля на луга; погонять лошадей в коротком приводе молотилки, крутить веялку и триер; месить навоз и делать из него в станках кизяки, помогать Степану ремонтировать сельскохозяйственный инвентарь и конскую сбрую, водить в ночное лошадей, ставить и вынимать из речки Балаклейки вентери с рыбой и раками, поить, кормить быков и лошадей и за ними убирать. К коровам доступа мне не было – это было «царство» Веры. Она их поила, кормила, ухаживала и доила.

В напряженную пору сельхозработ Земляной нанимал еще 10–15 человек сезонных рабочих, мужчин и женщин. Работали все от ранней зари до позднего вечера. Часто ночевали прямо в поле. Я хотя и не голодал, но часто жил впроголодь, в особенности когда уходил в ночное с лошадьми. Хозяйка была скупой и жадной. Она мне давала кусочек хлеба, причем черствого, луковицу и немного соли. Иногда мать хозяина украдкой от невестки совала мне в торбу кусочек сала. В отместку хозяйке за ее скупость и, конечно, от голода я иногда украдкой пробирался в амбар, где стояли глечики с парным молоком, брал тонкую камышину и выпивал молоко, не повреждая молочной пленки. Правда, мне было стыдно и жалко, когда за этот «недосмотр» хозяйка ругала ни в чем не повинную Веру.

Об отчем доме, матери, отце, сестре и младшем брате Мите я очень скучал. Но повидаться с ними не было никакой возможности – не отпускал хозяин, да и работали мы до последнего изнеможения. Весной, летом и до самой поздней осени мы вставали в 4–5 часов утра и работали дотемна. И так каждый день, поэтому мне всегда хотелось спать. Как-то с поля в хозяйство на ток возили снопы пшеницы. Хозяин на передней подвозе, я за ним на арбе со снопами погонял волов, а меня все время клонит ко сну, и никаких сил, кажется, нет его перебороть. За мной следовала арба, которой управлял Степан. Уже при съезде на ток меня окончательно сморило – волы как будто бы почувствовали это, резко свернули в огород, и арба со снопами и мной опрокинулась. Я свалился и сильно ушибся, но подскочил к быкам, еще не понимая, что случилось. И вдруг я почувствовал на спине сильный ожог – это мой хозяин кнутом с металлическим наконечником хлестнул меня по спине. Рубашонка моя лопнула – кровь потекла по спине, я бросил быков и стал убежать, боясь повторного удара. В это время Степан, громко издавая какое-то мычание, с вилами в руках бросился на своего хозяина и жестами показывал, что он за обиду и побои меня может его приколоть вилами. Когда я возвратился к опрокинутой арбе, он снял с меня рубашку, вытер кровь на моей спине и все время гладил рукой меня по голове, успокаивая и грозя кулаком в сторону Земляного, который от нас стоял теперь на довольно почтительном расстоянии. С этого времени моя дружба со Степаном стала еще крепче, а хозяин до конца моей у него «службы» не смел меня тронуть даже пальцем. Хотя меня по делу кое-когда и надо было приструнить. На спине у меня до сих пор остался шрам в виде буквы «З» от удара кнутом хозяина. Так и осталось на всю жизнь «клеймо батрака».

В середине лета моя мать Мария Демидовна с младшим моим братом Митей пришли проведать меня и «погостить». Я очень обрадовался их приходу и Мите старался показать все «мое» хозяйство, рассказать, что я делаю, чем занимаюсь. Мать и братишка были худые, изголодавшиеся, – хозяйка их, конечно, накормила. Но случая с Митей я не забуду до конца своей жизни. Мать Земляного – я уже об этом упоминал – была хорошей, сердобольной старухой. Она дала Мите кусок белого хлеба. И вдруг Митя после этого куда-то исчез. Мать заволновалась: куда, мол, пропал ребенок? Я начал искать брата, звать его, но он не отзывался. Я тоже начал волноваться, но спустя некоторое время Митя вылез из кучи кизяков, сложенных для сушки. Я его спросил, почему он там был и почему не отзывался на мой зов? Он ответил: «Я боялся, чтобы у меня хлеб не отобрали. И пока я его не съел, я не отзывался и не являлся». Такое запоминается на всю жизнь. Посещение матери и брата меня еще больше «растравило»,

и мне так страшно захотелось домой, повидаться со своими родными и сверстниками. Но моя мечта и желание так и не сбылись до окончания срока моего батрачества.

Уже поздней осенью ко мне пришел молодой человек, долго разговаривал – все выяснял о моей работе, об отношении ко мне хозяина. Спрашивал, не обижают ли меня, как кормят, где я сплю, сколько работаю. Затем он пригласил к себе Земляного, предложил заключить договор и заплатить взнос. Мне молодой человек сказал, что я принят и состою в списках союза Земраблеса⁹ и в случае неправильных действий со стороны хозяина могу на него в союз жаловаться. О побоях я, конечно, ничего не сказал. И так, на тринадцатом году своей жизни я был занесен в списки Земраблеса и взят под «охрану» закона.

Все, что было обещано хозяином, он выполнил полностью, даже дал подводу, и меня Степан доставил домой. Земляной предлагал еще остаться хотя бы на год у него в работниках. Но меня тянуло домой, в родные места, к своим, хотя я и знал, что без работы мне нельзя быть. Явился домой я просто разодетый по тем временам. Это была диковинка: новые добротные сапоги, «чертовой кожи» штаны, фланелевая рубашка и кожаный широкий пояс, шапка из барашковой смушки и добротный казакин из сукна.

1921 год. Без работы нельзя было задерживаться: надо было на что-то жить. Я был принят на почту «почтальоном-кольцовиком». Выдали мне казенное имущество – специальную кожаную сумку для почты, ботинки и форменную фуражку с какой-то эмблемой на околышке. Протяженность моего «кольца» составляла 45 верст. В него входило 15 сел и хуторов, в том числе и хутор, где я батрачил. За неделю мне надо было сделать три «кольца», таким образом в неделю я проходил около 150 верст. В письмах доставлялась радость. Но горя было много – еще шла Гражданская война, свирепствовали банды, был большой разбой. Меня почти везде принимали хорошо, даже иногда подкармливали и давали приют. Приходилось встречаться с довольно широким и разнообразным кругом людей: крестьянами-бедняками, зажиточными и кулаками, служащими и сельской интеллигенцией – учителями, врачами, агрономами, землемерами, рабочими, священнослужителями, живущими в «кольце». Доставлял я газеты, в основном «Сельскую бедноту», разные журналы, бандероли, письма и денежные переводы. Приносил и моему бывшему хозяину – помню, что он получал какую-то газету и агрономический журнал. Когда мне приходилось заходить к Земляному, то он на меня смотрел уже не как на своего батрака, а как на представителя советских «служащих». Работать на почте трудно было – в любую погоду: дождь, снег, пургу, мороз, грязь, распутицу или невыносимую жару. Мною было подсчитано, что за все время моей службы на почте я прошел больше 12 тысяч верст. Много мне пришлось повидать всего за время моих походов по «кольцу». Видел большие пожары, железнодорожные катастрофы, наводнения, налеты банд, грабежи и убийства – время было довольно беспокойное. Мне особенно запомнился один из многих случаев. Как-то рано, на самом рассвете, я шел степным шляхом в хутор Петровский и наткнулся по дороге на труп молодой женщины, одетой по-городскому. Я испугался и стал отходить от мертвой, но в это время подъехали две подводы, и мужики в убитой признали сельскую учительницу. Убита она была зверски, ей нанесено было несколько ножевых ран. Мужики между собой говорили, что она убита была с целью ограбления, и называли предположительно убийц. После этого слушая мне поздно вечерами и рано утром страшновато было ходить по полю и лесом. А ночевать в поле на сене или соломе, как это было до этого, я просто боялся.

Мои сверстники мальчишки мне завидовали и считали меня более взрослым и «самостоятельным», так как я уже был на службе у государства. Хотя я и общался с большим кругом людей, но все же в пути я всегда был в одиночестве, со своими думами и уже недетскими

⁹ Всероссийский союз работников земли и леса (Всеработземлес) – профессиональный союз сельскохозяйственных и лесных наемных рабочих, созданный в 1920 году. Выступал как организатор и защитник интересов пролетарских и полупролетарских сил в деревне; идеологически и материально поддерживался партийными органами. Существовал до 1930 года, когда разделился на несколько профсоюзов работников различных областей хозяйства.

мыслями. Нелегко мне было устроиться работать на почту, да и заработок был неплохой. И все же я все время мечтал работать в каком-то рабочем коллективе. Как ни жалко мне было расставаться со свыкшейся работой, все же я решил пойти работать на железную дорогу, хотя это оказалось не так легко и просто, как я себе представлял на первых порах. Рабочая сила была в избытке, и была очередь на бирже труда. А я еще был подростком, хотя уже за последние два-три года окреп, но взять от меня в физической работе нельзя было того, что от взрослого рабочего. Кроме того, уже начало действовать кое-какое законодательство об охране труда подростков. Но, откровенно говоря, в то время мы сами как-то старались обойти эти законы, добавляя себе год-два. Закон – хорошо, но жить надо было на что-то.

Итак, добавив себе почти два года, я был принят на железную дорогу. Шел 1922 год. Работал на погрузке и разгрузке железнодорожных вагонов. Грузили в вагоны и платформы шахтные стойки, разгружали вагоны с углем и другими грузами. Нелегко было, тем более что с питанием было совсем плохо, питались, как говорится, подножным кормом. Мне на всю жизнь запомнился случай. Мы с отцом и младшим братом поехали в поле на свой участок косить просо. Там мы ночевали в поле. Наш отец где-то раздобыл молодой картошки и сварил ее без соли в большом ведре. Мы, голодные, с невероятной жадностью набросились на вареную молодую картошку. После еды со мной произошло что-то невероятное: я или отравился, или же объелся, но меня тошнило, началась сильная рвота, поднялась температура. Я весь был в горячке, временами даже терял сознание – переболел здорово. После этого случая я не мог есть молодой картошки несколько десятков лет, а один ее вареный запах вызывал у меня тошноту.

Через полгода работы на железной дороге мне посчастливилось попасть в артель взрослых рабочих по ремонту железнодорожных путей. Среди взрослых я был один подросток, и ко мне относились все хорошо. Но особенно меня любил и даже мне покровительствовал за мою смекалку, трудолюбие и услужливость старший дорожный мастер Титаренко. Это был грамотный, отлично знающий и любящий свое дело человек. Ко всем рабочим артели он относился доброжелательно, хотя и очень требовательно. Титаренко был плотный, но довольно подтянутый, обладал большой физической силой, носил большие черные усы и своей красотой, нравом веселым и хваткой напоминал запорожского казака из сказок. Как мастер Титаренко сам многое умел и показывал, как нужно делать. В своей рабочей биографии я его считаю первым моим учителем и наставником. Мне на ремонте путей приходилось делать все: менять шпалы, производить их подштопку и подбойку, заправлять бровки пути и расстилать щебенку между шпал, сменять накладки и подкладки на рельсах и шпалах. Научился я забивать костыли мастерски, за три-четыре удара, проверять шаблоном расшивку рельсов, производить рихтовку пути и делать разгонку рельсов, оставив нужный зазор на их стыках. Все эти работы мной были хорошо освоены при непосредственном инструктаже мастера Титаренко, и я их выполнял отлично и быстро. Титаренко мне часто говорил: «Из тебя, Петя, выйдет отличный дорожный мастер – настоящий путеец». Но больше всего мне нравилась работа костыльщика. Забивая костыли, ты ведешь и расшивку пути. Костыльщик – это уже была квалификация, да она и оплачивалась выше рядового ремонтного рабочего.

Весной 1923 года всю нашу «путейскую артель» перебросили на станцию Жихор, а затем на большой железнодорожный узел Харьков-Основа для производства ремонтно-восстановительных работ. Тут работать было тяжелее, объем работ огромный – смена шпал и рельсов, перешивка пути. В сложных условиях надо было заменить почти все стрелочные переводы, сменить рельсы на железнодорожном мосту. Всю нашу артель разместили в казарме. Это было двухэтажное кирпичное здание, четыре больших зала с нарами и соломой – вот и все удобства. На первом этаже размещались мужчины, на втором – женщины. Ни воды, ни света, ни туалета – ничего этого не было. Свет – это в лучшем случае железнодорожный фонарь, вода в общем баке с прикрепленной к нему цепью кружкой. Постель – что у кого имелось. Небольшими группами соединялись в артели и готовили себе пищу на костре в казанках или в котелках. Питались

главным образом пшеничным кулешом, радовались, если была картошка. Если был кусочек сала, то его заворачивали в тряпицу и варили для «вкуса» и запаха – и так несколько раз, пока сало не вываривалось окончательно.

Я заболел малярией – тогда говорили «лихорадкой», и меня действительно не только лихорадило, а буквально трясло, выматывало все силы. Рано утром и вечерами я чувствовал себя хотя и слабо, но более-менее терпимо. Когда же поднималось солнце, к полудню, меня бросало в жар, холод, трясло невероятно, до беспамятства. Так я мучился недели две, совсем извелся, похудел, ослаб. О моей болезни передали матери и отцу. Они просили меня вернуться домой, но я наотрез отказался. Тогда ко мне приехала мать. Она привезла мне «подкрепление» – пшено, картошку, хлеба две буханки и два куска сала. А главное – мать где-то раздобыла хинин. Я начал принимать его, нормально есть, и скоро молодой организм переборол лихорадку. А через некоторое время меня было уже не узнать, я подрос, раздался в плечах, и работать стало веселее и легче.

Чуть позже, находясь дома в отпуске, я ближе познакомился с учителем бывшей гимназии – теперь директором семилетки Перцевым. Сам по себе очень красивый и представительный, всесторонне образованный, еще молодой человек, он меня все время уговаривал закончить семилетку. Но я этого не смог сделать, так как в семье был основным работником. Перцев повел со мной разговор о моем вступлении в комсомол. Откровенно говоря, я имел слабое понятие о комсомоле, да и впервые от Перцева я все подробно узнал о комсомоле, без предвзятости, наветов и даже проклятий в адрес этой организации. Разговор о комсомоле меня заинтересовал, и я решил вступить в его ряды. Предполагаю, что Перцев был «партийцем», как тогда говорили. К своему сожалению, я скоро потерял его из вида. Он куда-то уехал, и я об этом очень жалел. Считаю, что именно Перцев был первым «крестным» моих комсомольских мыслей.

Вскоре я перешел работать в паровозное депо. Сперва был подручным слесаря, затем слесарем, помощником кочегара, а дальше – кочегаром паровоза, стажировался на помощника машиниста паровоза. Одним словом, собирался стать настоящим кадровым железнодорожником. В эти годы было много всего. Помню трагические случаи – наезды на путях и неохраняемых переездах на людей, подводы, животных. Вспоминаю и забавные эпизоды. Так меня, помощника машиниста, молодой озорной парень по имени Гриша заставлял резакон мешать воду в тендере паровоза, якобы чтобы «поддать больше пару», и я мешал, да еще с каким усердием! А затем вся паровозная бригада до слез хохотала над проделкой Гриши и конечно же надо мной, хотя все ко мне относились очень хорошо и говорили, что такой «курс науки» проходят почти все новички.

Работа на паровозе была тяжелой, особенно в ночное время, но интересная и захватывающая, и я это время всегда вспоминаю с большой теплотой. Мои наставники и учителя в труде были отличные душевные рабочие люди.

Райкомсоргом у нас был Делька Макухин – парень лет 20–22. Сам по себе он был довольно общительный, грамотный, хороший спортсмен, организатор и отчаянно смелый. Мы, хлопцы, льнули к нему именно из-за этих его качеств, любили его и стояли за него горой, хотя еще многие из нас не были комсомольцами. Девушек Делька привлекал своей приятной наружностью – красивый был хлопец, культурный, с тактичным обращением. Делька тоже заговаривал со мной о моем вступлении в комсомол. Он понимал, что если я буду в комсомоле, то за мной могут пойти многие ребята и девушки. Вокруг меня как-то группировалось много ребят, которые работали на железной дороге, на предприятиях в Харькове, да и в самом нашем селе – соседи, живущие на ближайших улицах.

О комсомольцах тогда взрослые говорили много нелестного: о том, что они «безбожники, бездомники, голота», чуть ли не хулиганствующее племя. Часто к таким разговорам были и справедливые поводы. «Антирелигиозную» пропаганду мы проводили, прямо скажем, варвар-

ским способом: горланили свои песни под церковью, когда там шло богослужение, сломали церковную ограду, разбили окна в церковной сторожке, где проходила спевка церковного хора. А как-то во время пасхального богослужения на паперти разложили несколько десятков пробок из пугача. А когда из церкви пошел народ на крестный ход, поднялась «стрельба», началась паника и невообразимый страх, в особенности среди женщин. Но за эту «антирелигиозную» пропаганду нам по делам и досталось от мужиков, от которых мы еле унесли ноги. Все это и другое вызывало озлобление у населения. Мы же, озорничая, сами не понимали, какой вред наносим комсомольской организации. Но мы делали и добрые дела: проводили посадки деревьев в парках, убирали в школьных дворах, занимались ликвидацией неграмотности, но это все не было заметно на фоне наших «антирелигиозных» проделок. Когда на работе в паровозной бригаде заходила речь о комсомольцах, то почему-то о них неодобрительно и с какой-то иронией отзывались, называя комсомол «крысомолией».

Дома ни отцу, ни матери я не говорил о своем решении вступить в комсомол. Отец довольно сдержанно относился ко всем толкам и кривотолкам, разного рода рассказам о комсомольцах и их отдельных проделках. Его реакцию на мое вступление в комсомол я мог примерно хотя бы определить. Мать же была яркой противницей, и это я чувствовал по ее высказываниям, вроде того, что комсомольцы – это «бусурманы, безбожники, оглоеды и бездельники». Это были не ее собственные слова и мнения. На нее большое влияние оказывали те люди, у которых она была в прислугах. Мать возмущало, что эти «бесстыжие ходят без штанов» (это по поводу того, что комсомольцы появлялись в трусах во время игры в футбол или волейбол) и горланят песни: «Сергей поп, Сергей дьякон и дьячок...» Неоднократно мне мать говорила: «Дывысь, Пытро, чого-то ты вештаєшься з оцым Макухою и комсомольцямы? Вступыш в комсомол, из дому можеш уходыты». На нашей улице много было молодежи, которая работала на железной дороге так же, как и я, и мы все дружили. Меня почему-то считали «верховодом». Я сам этого не замечал, но чувствовал, что ко мне многие тянулись. Была у меня девушка, друг моего детства Паша Шморгунова, хорошая, стройная, белявая, хохотунья и озорница, певунья, недаром она пела первым голосом в церковном хоре. Мы с Пашей дружили и симпатизировали друг другу, и я хотел, чтобы она тоже вступила в комсомол. Но как это сделать? Ведь она церковная хористка, а ее отец какой-то церковный общественный деятель и тоже поет в хоре. Я сказал Паше, что вступаю в комсомол и прошу ее покинуть церковный хор, перейти в хор «Просвиты» и вступить в комсомол. Она ответила отказом, но не по своей воле и убеждению. Плача, она мне рассказала, что у нее был разговор с отцом на эту тему. Он ей сказал: «Я тебя проклянущу и выгоню из дома, если ты будеш якшаться с комсомолом». Мы вместе с Пашей строили наши планы, как выйти из сложного положения. Но что мы могли в наши годы в то трудное и сложное время придумать?.. Я был огорчен тем, что Паша не сможет вступить в комсомол, а если я вступлю в комсомол, то все равно не смогу с ней дружить и встречаться, ведь она церковная хористка, чуть ли не служительница религиозного культа. Все это меня тревожило и мучило. Очевидно, это была моя первая юношеская любовь.

В октябре 1923 года я вступил в комсомол. Со мной вместе с нашей улицы вступили в комсомол еще пять-шесть человек, в том числе Коробка Афанасий и его старшая сестра Химка. Все мы условились не говорить родителям о нашей «официальной» принадлежности к комсомолу. Но разве это можно долго скрывать? Начали посещать комсомольскую ячейку, где проводили собрания, занятия политграмоты, устраивали разного рода диспуты, спорили до хрипоты. Вскоре наша ячейка насчитывала уже около тридцати человек. Чувствовалась большая спаянность и настоящая комсомольская дружба. Руководили нами Клава Скрынник и Иван Шерстнюк – это были по тем временам грамотные ребята, окончившие гимназию. Работали на какой-то советской работе, да и постарше нас были лет на пять.

Политграмоту мы «проходили» по Коваленко, а политэкономия по Н. Бухарину¹⁰.

Конечно, многое не было для нас понятным, но жить нам было интересно. Мы вели разговоры о мировой революции, о «всемирном пожаре», хоть сам «мир» для нас был довольно отдаленным и ограниченным понятием. Спорили о коммунизме. Что это такое и как его строить? Возможно ли построить его в отдельной стране или же это явление международного значения? Причем говорили часто уже о «мировом коммунизме», не имея по этому вопросу ни малейшего представления. Мы говорили, и нам рассказывали, что коммунизм – это когда все будет общее: будем жить коммуной, не будет буржуев, богатых и бедных, и все будут равны. Отомрет государство, не будет армии. Все, вместе взятое, для нас было сплошным туманом и далеким миражом. Спорили о стихах В. Маяковского и громили «есенинщину»¹¹, ее пессимизм и мещанство. Выступали против ношения галстуков и танцев как против мещанско-буржуазных пережитков, несовместимых с новым обществом. Обсуждали планы антирелигиозных мероприятий. Выпускали стенную газету и клеймили Чемберлена. Пели песни: «Наш паровоз, вперед лети» и «Взвейся знамя...». «Интернационал» исполняли все равно как когда-то в школе молитву или «Боже, царя храни!».

Много спорили о нэпе¹², но так до конца и не понимали всего великого значения «новой экономической политики» для нашего государства. Появилось новое слово – «нэпман». Оно стало нарицательным и звучало грознее, чем контрреволюция, «мировая гидра», капитализм, буржуазия, ибо все это было дальше от нас, а «нэпмана» мы видели каждый день в своей жизни. Говорили, что в период нэпа много вышло из партии коммунистов-большевиков, и даже заслуженных, они не были согласны с Лениным по введению в стране нэпа. Но это происходило по «идейным» убеждениям. Мы же многого не понимали, да и «идейности» у нас было на «ноготь». Но нэпман у нас вызывал какое-то молодежное «бунтарство», возмущение самим нэпманом. Нас в комсомольской ячейке больше волновали вопросы трудоустройства комсомольцев и молодежи через биржу труда и профсоюз. Невозможно перечислить все вопросы, которые обсуждались и принимались на собраниях комсомольской ячейки. Обсуждался вопрос и о том, кого из наших комсомольцев рекомендовать в ЧОН. Членом ЧОНа стал и я.

Мои родные, отец и мать, все же скоро узнали, что я комсомолец. Был большой скандал. Мать ругалась, плакала, угрожала, приводила в пример некоторых «порядочных» сынков и дочерей нэпманов, у которых она стирала белье и выполняла другую домашнюю работу. Отец отнесся к этому более спокойно. Он говорил матери: «Брось ругаться и голосить, надо разобраться с этим вопросом. Ты ведь ничего в этих делах не понимаешь». После такого замечания отца мать немного успокоилась. Когда я отцу рассказал, чем мы занимаемся, его больше всего привлекло то, что мы читаем книги. Он попросил меня показать ему книгу, по которой мы занимаемся. Это была «Политграмота» Коваленко. Отец внимательно просмотрел комсомоль-

¹⁰ Речь идет о книгах П. Коваленко «Политграмота» и «Хрестоматия политической грамотности. Пособие для школ и кружков», выдержавших несколько изданий в 20-е годы, и брошюре Н. И. Бухарина «Новый курс экономической политики», изданной в конце 1921 года. Это были, пожалуй, наиболее популярные издания для начальной коммунистической подготовки.

¹¹ Маяковский Владимир Владимирович (1893–1930). Выдающийся поэт, реформатор поэтического языка. Его творчество вызывало большие споры среди молодежи, среди специалистов. Политическая направленность его стихов часто противопоставлялась произведениям его современника – Есенина Сергея Александровича (1895–1925), одного из крупнейших русских поэтов, певца народной жизни крестьянской Руси. Резкое официальное осуждение творчества этого поэта породило термин «есенинщина», что ассоциировалось с отходом от «социалистического реализма». Травля Есенина вдохновлялась такими высшими политическими руководителями, как Л. Д. Троцкий, Н. И. Бухарин. Долгие годы имя Есенина было под запретом. Оба поэта трагически закончили свой путь.

¹² Новая экономическая политика (НЭП) была провозглашена и начата В. И. Лениным в 1921 году. Основной смысл – возрождение и развитие экономики на основе ее многоукладности, включая допущение частной собственности, иностранного капитала. Практически была свернута сталинским руководством на рубеже 20–30-х годов. Самим Лениным в самом общем виде оценивалась как курс «всерьез и надолго», но в то же время характеризовалась как отступление перед капитализмом. В этом противоречии (в том числе) корни ее недооценки и свертывания.

скую политграмоту. Не знаю, разобрал ли что он в ней, но одобрительно сказал: «Это хорошо, что вы читаете книги. Чтение книг – это образование».

Но однажды я пришел домой с наганом и саблей, то было чоновское вооружение. Отец неодобрительно об этом отозвался. «Я, – говорил он, – двадцать пять лет носил оружие. Не один раз смотрел смерти в лицо, видел много горя и смертей. И мне не хотелось бы, чтобы ты связал свою жизнь с оружием». Но это было его желание, а время требовало своего, и оно ни мне, ни отцу не было подвластно. Моя комсомольская «легализация» кончилась благополучно, что значительно облегчило мое состояние. На работе в паровозной бригаде тоже стало известно, что я стал комсомольцем. На первых порах отношение ко мне стало какое-то натянутое. Почему-то в то время считали, что комсомолец – это лишняя забота, «всегда вынесет сор из избы», чуть ли не «осведомитель». Но спустя короткое время все наладилось, отрегулировалось, и взаимоотношения стали прекрасными. Спустя некоторое время и я в комсомоле начал работать довольно активно: вел группу ликбеза¹³ участвовал в работе драмкружка.

Умер В. И. Ленин. Об этом мы узнали поздно вечером, когда в клубе шло комсомольское собрание и наша комсомольская ячейка почти полностью была в сборе. Помню, на клубной сцене появился какой-то интеллигентный мужчина и объявил о кончине вождя всемирной революции В. И. Ленина. Все встали и почтили память Ленина. В зале кое-где раздались рыдания – это плакали наши старшие товарищи. Откровенно говоря, мы, младшие, не совсем понимали всей невосполнимости утраты. Но все же чувствовали, что произошло что-то трагическое, вызвавшее такую скорбь и боль у старших. В этой тягости и мы как-то повзрослели. Когда мы немного отошли от первого удара – сообщения о смерти В. И. Ленина, кто-то предложил спеть песню «Мы жертвою пали в борьбе роковой...». Как нам тогда говорили, это была любимая песня Ильича, и ее пел весь зал. На душе у каждого из нас оставалась какая-то особая тяжесть, по домам мы расходились против обычного тихо, молча. На второй день почти все комсомольцы нашей ячейки пришли в клуб. Нам надели траурные повязки на рукава, и мы стали в почетный караул у портрета В. И. Ленина, обрамленного траурной рамкой. Была во всем скорбная тишина, и даже разговор велся вполголоса. Траурные повязки мы носили до самых похорон В. И. Ленина. Вся тревожная, горестно-скорбная обстановка этих дней мне запомнилась на всю жизнь.

После смерти Ленина комсомол начал носить имя Ленина – Ленинский комсомол.

Помню, большим событием в комсомольской ячейке было приобретение батарейного радиоприемника и проекционного фонаря с набором разных диапозитивов. Вечерами мы слушали радио и, удивляясь этому, смотрели «туманные картины» и радовались, что все это пополняло наши скудные знания. Так мы расширяли свой кругозор. Спустя некоторое время я в Харькове купил детекторный радиоприемник, привез его домой, натянул антенну почти через весь двор, и в нашей хате начали слушать через наушники радиопередачи. Отец к этой новинке отнесся с большим интересом, слушал передачи и по-своему комментировал передаваемое. Мать, послушав один раз, отказалась больше слушать, заявив, что это говорит нечистая сила. Слушать радиопередачу приходили соседи, в особенности этим интересовался Антон Чаговец. Это был грамотный мужик, впоследствии он стал руководящим советским работни-

¹³ Ликвидация неграмотности (ликбез) – массовое обучение населения умению читать и писать. Движение имело особый размах в 20-х – начале 30-х годов. По переписи населения 1897 года в России в возрасте от 9 до 50 лет безграмотных было более 70 %. По официальным данным, в конце 30-х годов уровень грамотности стал более 87 %. Политика ликвидации неграмотности, как и сделанное в области образования вообще, – это наиболее впечатляющие и бесспорные достижения того, что позднее было названо «социалистической культурной революцией». В ней доминировали идеологизация, недооценка традиций, культуры прошлого. По мнению специалистов, В. И. Ленин имел косвенное отношение к разработке теории этой революции. Авторство здесь должно быть отдано Л. Д. Троцкому, Н. И. Бухарину и И. В. Сталину. Их роль в ее теоретическом обосновании может быть оценена именно в такой субординации, а практическое участие в осуществлении – в обратном порядке.

ком в нашем районе. Его сын Николай, старше меня на два года, не захотел работать на железной дороге, а поехал работать на шахту в Донбасс, да там вскоре и погиб в шахте при аварии.

С каждым годом я чувствовал, как растет, расширяется мой кругозор, появилось страстное желание учиться, но у меня такой возможности не было. Мой младший брат Митя закончил к этому времени семилетку и поступил в Изюмский педагогический техникум. Я ему завидовал, но доброй завистью. Мои некоторые сверстники тоже учились, кто в Харькове, кто в Изюме, в разных техникумах и на подготовительных курсах. Я же работал на железной дороге в паровозном депо на станции Основа. Работал уже четыре года, привык к своему делу, мечтал стать машинистом паровоза. Я полюбил все, связанное с паровозом, и мне это нравилось. Думал, что всю свою жизнь и судьбу навсегда свяжу с работой на железной дороге. Мне пошел восемнадцатый год. По тому времени это уже вполне взрослый и самостоятельный человек. Мать по-прежнему работала на поденных работах – стирала белье, полола огороды, убирала квартиры. Как-то она попросила меня пойти с ней в один дом поколоть дрова. Я согласился. Дом этот был «вдовы Чаговчихи». Говорили, что ее муж был каким-то крупным коммерсантом и торговцем. Семья состояла из хозяйки-барыни, женщины лет сорока пяти, красивой, стройной, властной, горделивой. Ее сын Михаил, горбун, телеграфист на железнодорожной станции, всегда ходил щегольски одетым в форму телеграфиста, но любил выпить. Несмотря на свою «интеллигентность», он с «серяками» был общителен и обходителен. Дочь Юлия, красивая девушка лет шестнадцати, с большой черной косой, к тому времени окончила гимназию и собиралась поступать в Харьковский педагогический институт.

Я переколол колуном много дров, сложил их в сарай и собирался уходить, но в это время меня пригласили зайти в дом. Дом был в шесть-семь комнат. Деревянные полы, венские стулья, ковры, зеркала, комоды, картины и даже граммофон. Все это я видел первый раз в жизни и даже как-то обомлел от этой роскоши и красоты. Увидев Юлию, которую мне представила мать, я совсем растерялся, а ее красота, обхождение произвели на меня какое-то волшебное впечатление. Я почувствовал, что и Юля заинтересовалась мной, очевидно, хотела разгадать, что же содержится в этом чумазом пареньке. В этом доме я впервыепил настоящий чай, да еще с лимоном, о котором я до этого не имел никакого понятия. С Юлей мы как-то сразу же подружились и явно симпатизировали друг другу. Но виделись мы очень редко, так как я работал на станции и дома бывал только в выходные дни. Юлия была начитанна, хорошо знала литературу. Она давала мне книги для чтения. А после мы вместе обсуждали прочитанное. Я, конечно, далеко не во всем разбирался, и Юля старалась помочь и многое просто поясняла. У меня появилось особое желание и тяга к чтению художественной литературы. По своим убеждениям Юлия была комсомолкой, но ее в комсомол не принимали как «дочь торговца». Она очень переживала, да и я хотел, чтобы она была в комсомоле. Но порядок есть порядок.

Хотя Юлия и не была комсомолкой, но она была самым активным членом нашего клубного драматического кружка и играла роли героинь. У Юлии была близкая подруга Галя Крайнюк. Это была задорная, рыжая, небольшого роста девчонка, большая затейница и умная девушка. С Юлей наши «симпатии» зашли дальше, чем мы предполагали, и мы с ней уже повели разговор о женитьбе. Но это было только наше желание и решение. А как посмотрят на это наши родители? Первой воспротивилась этому моя мать, заявив, что она не хочет быть вечной прислугой у молодой барыни. Мать Юлии тоже была против, потому что я из простой семьи и необразованный рабочий. Все это нас огорчило, но против воли родителей мы пойти не могли. Один Миша, брат Юлии, нас понимал, сочувствовал и часто содействовал нашим встречам. А встречаться мы продолжали и еще теплее стали относиться друг к другу. Не суждено было судьбой соединить наши жизни, но теплота этой любви сохранилась на долгие годы. Юлия потом была активной комсомолкой, закончила институт, работала учительницей, завучем и директором школы. Я с ней и Галей Крайнюк долгие годы поддерживал дружеские связи.

Как-то однажды – шел уже, кажется, 1925 год – меня пригласил к себе секретарь райкома комсомола Иван Шерстнюк и предложил работу секретаря комсомольской ячейки в селе Петровском. Но так как штатной единицы секретаря комсомольской ячейки не было, то меня определили заведовать хатой-читальней, где по тем временам была приличная зарплата – 45 рублей в месяц. Такое предложение для меня было неожиданным. Мне было жалко расставаться с привычной для меня работой, да, откровенно говоря, я далеко не полностью понимал и представлял свои будущие обязанности, и это меня несколько пугало. Я попытался отказаться от предложения, но мне напомнили о комсомольской дисциплине. Пришлось согласиться. Пошел в РИК (районный исполнительный комитет), получил документ о моем назначении. С инструктором райкома комсомола пешком отправились в село Петровское за 25 километров от райцентра. Собрали комсомольскую ячейку, и меня избрали ее секретарем.

Райком комсомола поставил передо мной задачу: оживить работу комсомольской организации, добиться значительного роста рядов комсомола. Хата-читальня должна стать культурно-политическим центром на селе. Задача ясна с точки зрения постановки вопроса, но в выполнении ее было много трудностей, а неясностей еще больше – каким путем это все можно сделать. Прошел инструктаж, получил «циркуляры» на папиросной бумаге и приступил к работе.

Петровское было сложным селом. Из 300–350 дворов большинство были зажиточные, крепкие хозяйства. Несколько десятков хозяйств были «кулацкими», как мы тогда их определяли. Была и голота, как нас тогда называли заможные¹⁴. На селе было всего два коммуниста: член партии демобилизованный инвалид-красноармеец, он же и председатель сельского совета, да кандидат в члены ВКП(б) местный «грамотей», заведующий сельпо. Мои помыслы вступить в партию были ограничены отсутствием партийной ячейки в селе. Всю же организационно-политическую работу – созыв сходок-митингов, собраний, лекций и докладов – приходилось проводить через комсомольскую ячейку.

Хата-читальня была размещена в доме попа. Это было приличное помещение. Зал вмещал 100–120 человек. В четырех подсобных комнатах мы разместили комнату для политзанятий и комсомольской ячейки, комнату, где размещалась библиотека, комнату для занятий драмкружка и агрокомнату. В хате-читальне был культинвентарь: пианино, гармошка, проекционный фонарь с набором диапозитивов. Библиотека состояла из нескольких сот книг. Выписывались газеты и журналы. И гордость «света» – десятилинейная керосиновая лампа, подвешенная к потолку. С комсомольцами проводились политзанятия, читка лекций, устраивались вечера «вопросов и ответов» на самые разнообразные, даже «вольные» темы, разучивались пьесы и песни. Во всей работе хаты-читальни оказывали самую существенную помощь молодые учителя-комсомольцы. Определенная тяга молодежи села и ее интерес проявлялись к мероприятиям, проводимым комсомолом, а также к работе хаты-читальни. Но рост комсомольских рядов шел довольно туго. Причиной этому было сильное отрицательное влияние молодежи из зажиточных семейств, боязнь бандитов и некоторое влияние церкви, которая была рядом с хатой-читальней. Мужиков тоже тянуло к работе хаты-читальни, и этому способствовала хорошо оборудованная комната агротехники. В ней были красочные плакаты, литература по агрономии, специальная литература по земледелию и животноводству – журналы и наглядные пособия. Часто организовывались лекции, беседы по агрономии. Их проводили агрономы из райземотдела.

Мужикам все это нравилось. Они начали более снисходительно относиться к комсомольской ячейке и к самим комсомольцам. А хата-читальня стала их «клубом». В нем обсуждались

¹⁴ Заможные – кулаки, зажиточные крестьяне, с которыми советская власть вела борьбу в годы «военного коммунизма» и в ходе коллективизации.

самые разнообразные, сложные, подчас тревожные текущие дела самой жизни и политики. Вокруг еще «пошаливали» мелкие разрозненные банды, но в село Петровское банды почти не проникали, ибо им было известно о вооруженном отряде комсомольцев. А главное – мужики под руководством председателя сельского совета организовали хорошую самооборону села.

Петровское было селом полустепным. Лесов вокруг близко не было. Единственным большим зеленым массивом был церковный парк. Он по склону спускался к самой речке Балаклеянке. Да еще были деревья на сельском кладбище. На усадьбах у мужиков было, конечно, много садов. Как-то поздно ночью с группой комсомольцев я возвращался из хаты-читальни к себе на квартиру. Вот тут, в этом церковном парке, нас из засады и обстреляли, да с такого близкого расстояния, что мне в глаза попал несгоревший порох, мне пришлось пролежать в больнице почти две недели. Остатки пороха до сих пор остались в глазах. Буденовка моя была пробита самодельной пулей, очевидно, стрельба по мне произведена была из обреза. Мы в ответ на внезапное нападение открыли беспорядочную стрельбу, но только всполошили дежурных самообороны.

На первых порах я квартировал у одного комсомольца-активиста. Было голодно и холодно, хотя и совсем дешево. Потом мне подыскали квартиру у одного заможного мужика. За квартиру и питание надо было платить 10 рублей в месяц. Это было дорого, но зато все было хорошо. Дом был трехкомнатный, с деревянным полом. Я занимал отдельную комнату, чистота и порядок, питание хорошее, отношение просто домашнее. Одно только мне не нравилось – молодая симпатичная хозяйка. Ей было лет двадцать пять – двадцать шесть, муж старше ее был лет на двадцать – двадцать пять. Так вот эта «хозяйюшка» начала за мной усиленно присматривать и подкармливать меня – молочком, сливочками, салыцем, всего было в достатке. Но лишнее ее ухаживание за мной возбудило тайную ревность ее добродушного, работающего, хозяйственного мужа. Мне надо было быть настороже, но все обошлось хорошо.

Проработал я на этой работе немногим больше года. Комсомольская организация выросла до 35 человек. Работа хаты-читальни числилась на хорошем счету, одной из лучших в районе. Но меня все время не покидала мысль продолжить учиться. Я выписывал журнал «Рабфак на дому»¹⁵, но этого мало было. Я стремился поступить в учебное заведение, но как и куда, не знал.

Весной 1927 года меня вызвали в райком комсомола и на бюро райкома рекомендовали на учебу в Изюмскую окружную одногодичную совпартшколу¹⁶. Моей радости не было конца – сбывается моя мечта об учебе. Но для поступления в школу надо было еще выдержать пять экзаменов: политграмма, математика, физика, химия, диктант. Я начал усиленно готовиться к предстоящим экзаменам. Мне помогали учителя-комсомольцы села Петровского. Занимались много и старательно. Под конец занятий мне устроили экзамен по математике, физике, химии и диктанту. По политграмме я считал себя вполне подготовленным. Казалось, мной и моими друзьями – комсомольцами-учителями все сделано, чтобы хорошо сдать экзамены, но волнения мне не давали покоя. Наконец пришло время, и я уехал с направлением райкома комсомола в окружной город Изюм сдавать экзамены. Экзамены были сданы на «хорошо», и меня зачислили слушателем-курсантом совпартшколы. Радость невероятная переполняла меня. Курсантов в партшколе было около трехсот человек. Немало было и молодежи, но даже среди них

¹⁵ Рабочие факультеты (рабфаки) – общеобразовательные учебные заведения в 1919–1940 годах, создававшиеся при вузах. Прием производился по социальному признаку. Обучение – 3 года на дневных и 4 – на вечерних рабфаках. В отдельных случаях создавались краткосрочные ускоренные курсы, как в случае, описанном автором. «Рабочий факультет на дому. Подготовительный курс» – книга, имевшая несколько выпусков в 20-е годы в помощь молодежи, готовящейся самостоятельно для поступления в вузы. Содержала сведения по различным общеобразовательным предметам, включая вопросы литсамообразования.

¹⁶ Совпартшколы (советско-партийные школы) создавались в 1920–1921 годах и действовали до 1936 года. Готовили пропагандистов, заведующих избами-читальнями и организаторов кооперативного строительства.

я был самый молодой. Были и, как нам казалось тогда, «пожилые», до 45 лет, члены партии с солидным стажем партийной и советской работы. Среди них самое видное место занимал Шпилевой. Он был участником Гражданской войны, до школы работал председателем районного исполкома. В школе он был избран секретарем парткома.

Итак, я курсант совпартшколы и приступил к занятиям. Преподаватели школы были хорошие, опытные. Это были старые, дореволюционные интеллигенты-коммунисты и молодые кадры. Преподавателем политэкономии была Крумголец – член партии с 1914 года, опытный педагог, хороший коммунист.

В школе мы изучали историю, политэкономия, экономгеографию, математику и геометрию, физику и химию, ботанику, литературу, русский и украинский языки. По всем этим предметам надо было периодически сдавать зачеты и экзамены. Учиться было нелегко, работали много и упорно, грызли гранит науки. Наилучшие успехи по учебе у меня были по истории, политэкономии, экономгеографии и ботанике. Крумголец неоднократно ставила в пример мои конспекты и ответы на семинарах по политэкономии. А молодая учительница ботаники из-за моих конспектов с цветными рисунками по ботанике и сдачи зачетов меня просто боготворила. Не один раз мои конспекты были на школьной выставке. В общем, занятия у меня шли хорошо. Все лекции обязательно конспектировались. Проверялась усвояемость на семинарах с тематическими вопросами и ответами. Много приходилось работать вечерами. Много времени отнимала и общественная работа. Меня избрали членом бюро комсомольского комитета школы и членом редколлегии стенной газеты школы. Материальные условия были хорошие: жили мы недалеко от школы в общежитии по 4–5 человек в комнате, питались бесплатно в школьной столовой. Стипендию получали полностью вместо всего прежнего заработка и по 15 рублей на иждивенца. Таким образом, я получал в месяц 75 рублей. Это в то время были немалые деньги. Кроме того, нас всех за счет государства полностью экипировали – одели и обули, предоставили полный выбор одежды. Кто брал пальто, а кто и полушубок или кожаную тужурку. Я себе взял тужурку, хромовые сапоги, галифе, гимнастерку, ремень, шапку-ушанку из сивого смушка с кожаным верхом. На лето нам выдали ботинки, рубашки и пиджак. В то время мало кто был так одет, как мы, курсанты школы.

В школе преподавались и военные предметы. Устраивались военизированные походы. Чаще всего это были походы на гору Кременец, которая возвышалась над городом. Были экскурсии на предприятия Изюмского завода оптического стекла (ИЗОС), в железнодорожные мастерские и депо и другие. Сам город Изюм расположен в красивом месте на берегу Северского Донца, под горами – большие массивы леса и луга.

В январе месяце 1928 года я приехал домой в свое село на зимние каникулы. Все мои сверстники завидовали мне и были в восторге от моей экипировки и эрудиции. Одним словом, я был в центре внимания комсомольцев и молодежи районного центра Андреевка. Учеба мне много давала даже в общем кругозоре, тем более что я имел прямое общение со взрослыми, уже умудренными житейским опытом людьми. Это позволяло мне еще больше работать и музять.

С самого начала учебы ко мне обратилась преподаватель политэкономии Крумголец, она же замсекретаря парткома школы, и повела разговор о моем вступлении в партию. Вскоре я был принят кандидатом в партию с шестимесячным кандидатским стажем как рабочий. Рекомендующими моими были Крумголец, Шпилевой и Рудковский, секретарь окружкома партии. В апреле 1928 года я был принят в члены ВКП(б). Это было огромное и очень важное событие в моей жизни. Но если говорить откровенно, то полностью всю глубину этого события и значимость всего происшедшего в моей жизни я осознал позднее.

Совпартшколу я закончил с оценкой «хорошо». Получил соответствующее свидетельство об окончании. Окружные комитеты партии и комсомола занимались распределением на работу выпускников школы. Я был принят для беседы секретарем окружкома Рудковским и секретарем окружкома комсомола Мырленко. Мне предложили должность секретаря Боровского райкома ЛКСМУ. Я дал согласие и был утвержден в этой должности.

Перед тем как приступить к работе, мне дали отпуск. Я уехал домой, к этому времени приехал и мой младший брат Митя. Наша хата-завалуха совсем вросла в землю – окна и двери перекошились, здесь всегда чувствовалась сырость. Нас, молодых, по приезде домой этот «дворец» просто угнетал, да и неудобно было пригласить к себе кого-либо из новых знакомых – городских ребят или девушек. Отец и мать уже были престарелыми, и нам с Митей очень хотелось, чтобы на старости лет они пожили в хорошем доме. Мы решили с Митей сломать старую хату и срочно на ее месте построить новый домик. Решено! А раз решено, то теперь осталось взяться за дело. Сами составили план, сделали чертежи будущего дома, подсчитали материальные и денежные ресурсы. А деньги у нас были: мы с братом жили скромно, бережливо, не курили, не пили, не были транжирами. У отца было припасено дерево, но его явно не хватало для наших планов. Посоветовались со старшими – они были хорошими плотниками, договорились о цене и сроках строительства. Отцу и матери о своих замыслах не говорили ни слова, зная заранее, что они будут противиться этому.

Воспользовавшись тем, что отец куда-то уехал на три-четыре дня, мы приступили к реализации своего замысла. Собрав человек десять своих товарищей, мы свою старую завалуху разобрали до основания за два дня. Весь домашний скарб перенесли в сарай, где и жили до окончания постройки дома. К приезду отца уже были закопаны стояки и заложены подвалины трехкомнатного дома. Работа кипела от утренней зари до поздних сумерек. За месяц дом был построен, покрыт оцинкованным железом, настланы деревянные полы. К нашему отъезду заканчивалась кладка печного очага. Дом на пять окон, высокий, красивый, с верандой получился на славу. Многие удивлялись нашему смелому поступку и напористости, кто-то завидовал. Мы же с братом остались довольны, что исполнили свои намерения и желания, что наши старики, отец и мать, остаются жить в хорошем доме. По райцентру о нас с братом пошла молва как о хороших, порядочных и хозяйственных сыновьях, проявивших заботу о своих родителях.

Митя поехал в Балаклею учительствовать, но его не покидала мысль продолжить учебу, и он усиленно готовился в Харьковский университет на физмат. Хотя временами он подумывал и о художественном институте. Для этого у него были основания – он хорошо рисовал портреты и картины. Школы, конечно, никакой, но получалось неплохо. Так рисование у него и осталось на всю жизнь как своего рода хобби. А после окончания Харьковского университета из Мити получился отличный преподаватель математики и физики.

Я поехал в Боровую, на свою новую и совершенно незнакомую мне секретарскую работу. Но я думал: «Свет не без добрых людей». Так и получилось.

Районный центр Боровая находится в 36 километрах от окружного центра города Изюма. Сообщение только конной тягой. Боровской район считался глубинным, но не глухим. В то время были районы и поглубже и поглуше. Вся комсомольская организация насчитывала 300–320 человек, из них почти половина в райцентре. Во многих селах, а тем более в хуторах не то что не было комсомольских ячеек, а не было ни одного комсомольца. Район по своему составу был довольно сложный. Много было сел довольно зажиточных, таких как Верхняя и Нижняя Соленые. Немало было и голоты. По национальному составу в основном были украинцы, но немало было сел и хуторов с русским населением старообрядческого вероисповедания. Райцентр – большой населенный пункт. Посредине райцентра была огромная площадь. На ней собирались ярмарки и базары, тут же было и футбольное поле.

Райком комсомола размещался в одном здании с райкомом партии и занимал две небольшие комнаты, окна которых выходили на площадь. На противоположной стороне площади стояла двухэтажная паровая мельница, большой двухэтажный каменный дом, в котором располагался РИК со всеми своими службами. Чуть правее находилась библиотека и читальный зал. В большом длинном деревянном амбаре был оборудован районный клуб мест на 300–350. Рядом с клубом – действующая православная церковь.

На техническом «вооружении» в райкоме комсомола была старая пишущая машинка «Ундервуд». От РИКа было закреплено две лошади с седлами, тарантасом и санями – это были наши транспортные средства. Работать приходилось в довольно тяжелых условиях. Вокруг еще свирепствовали банды. Кулаки и их сынки проявляли особую активность, чувствуя, что на них идет наступление. Молодежь, в особенности на селах и хуторах, неохотно шла в комсомол, главным образом из-за боязни, угроз и недопонимания роли и значения комсомола. А окружном комсомоле ставил задачу в ближайшее время резко увеличить рост комсомольских рядов, и по этому вопросу шли непрерывные циркуляры.

Председателем РИКа был Рябцев, огромного роста человек, по своей натуре добродушный и добрый, в работе требовательный и строгий. В прошлом он работал на доменной печи, был активным участником Гражданской войны и партизанского движения. Член партии с 1916 года, прямой и смелый человек. Он часто брал меня с собой в поездки по селам и хуторам. Был строг со мной, и в то же время он меня полюбил как родного сына. Я много от него получил житейских уроков. Однажды зимой при переезде из одного села в другое поздним вечером мы попали в балке под интенсивный обстрел. Очевидно, была специальная засада какой-то группы бандитов. Я из своего нагана успел произвести только два-три выстрела, как Рябцев закричал: «Ложись!» – и тут же повалил меня в розвальни, по существу прикрыв меня своим телом, а сам повел в ответ огонь из маузера и нагана, крикнув вознице, чтобы тот гнал лошадей, и те стремительным рывком успели вовремя вынести нас из балки и зоны обстрела.

Приехали мы в село. В школе собрали мужиков, «уговаривали» их принять решение о самообложении. Дело шло довольно туго и напряженно. Мужики курили и молчали, при голосовании внесенного нами предложения никто руки за самообложение не поднимал. Тогда Рябцев, разозлившись, сказал: «Поднимите руки, кто против самообложения и советской власти?» Конечно, никто не смел поднять руки, тогда Рябцев объявляет «решение»: «Против нет. Решение о самообложении принимается единогласно». В это самое время происходит выстрел через окно в керосиновую десятилинейную лампу – погас свет, поднялась паника. Рябцев своим громовым голосом закричал: «Всем оставаться на местах!» Но когда было зажжено два свечных огарка, то в помещении осталось пять-шесть стариков, которые просто не в состоянии были убежать. Вот так и было принято «единогласно» постановление о самообложении. Опасаясь нападения, мы тут же выехали из села. Вопрос самообложения был своеобразной пробой наших сил, возможностей, влияния перед предстоящей сплошной коллективизацией, в которой было много «наломано дров». Письмо И. В. Сталина «Головокружение от успехов»¹⁷

¹⁷ Статья И. В. Сталина «Головокружение от успехов» опубликована в «Правде» 8 марта 1930 года в разгар насильственной форсированной коллективизации. В ней вина за «перегибы» в проведении коллективизации возлагалась на местные органы власти. Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1879–1953). В революционном движении с юношеских лет, член КПСС с 1898 года. Член первого советского правительства (Наркомнац), генеральный секретарь ЦК ВКП(б) – КПСС с 1922 года. Председатель СНК, СМ СССР с 1941 года. В годы войны председатель ГКО, Верховный главнокомандующий. В 1945 году стал генералиссимусом. Один из крупнейших государственных деятелей своего времени. Возглавлял страну, достигшую убедительных результатов в области промышленности, науки, внесшую решающий вклад в разгром гитлеровской Германии. Одновременно руководитель, проводивший политику, основывавшуюся на декларировавшихся и извращенных социалистических идеях, на попрании демократии, законности, крайней идеологической нетерпимости, массовых политических репрессиях, доходивших до масштабов уничтожения целых классов (доколхозное крестьянство), войны против целых народов, их депортации. Провозглашался теоретиком и мыслителем, хотя таковым не являлся. Сильный, волевой, хитрый и коварный человек, безусловно, подготовленный, умный, которому отдавали должное крупнейшие политики XX века, в том числе прямые противники и СССР, и исповедовавшейся в нем идеологии. Надо, однако, критически воспринимать даже ультрасовремен-

немного охладило «горячие головы», но к этому времени много было сделано такого, что уже ничем поправить невозможно было. Да и успехов никаких не было. Был просто голый административный напор за «добровольную» сплошную коллективизацию.

В то время было еще модно отмечать день 9 января 1905 го да – расстрел мирной рабочей демонстрации, что шла с «просьбой к царю-батюшке», – все это возглавил поп Гапон, он и в историю вошел как провокатор. В одном из сел района комсомолец-активист, член бюро райкома комсомола Федя Сыкало несколько раз проводил собрание по самообложению, но сход не принял решения. Тогда Федя решил использовать «политическое» воздействие: собрал сход села на площади, сделал доклад о 9 января. После доклада спросил: «Вы поняли, что было 9 января?» Раздались возгласы: «Поняли! Поняли!» Тогда Сыкало громогласно заявил: «Так вот. Если вы не примете решение о самообложении, я вам устрою 9 января». К этому же добавил нецензурные слова и подал знак комсомольцам, предварительно расставленным по периметру площади. Те вверх начали стрелять, народ в панике ринулся с площади. Мы с Рябцевым в это время подъезжали к этому селу. Услышав выстрелы, подумали, что произошел какой-то налет банды. Так часто случалось. Мы насторожились. Но, когда мы увидели бегущих людей и прибыли на опустевшую площадь, Сыкало в окружении своего вооруженного отряда стоял как «победитель». Много мне пришлось приложить энергии и выслушать справедливых укоров, чтобы добиться того, чтобы Ф. Сыкало не отдал под суд. Но все же он получил строгий выговор за свои действия.

В райкоме ЛКСМУ мы принимали самое активное участие в проведении коллективизации. Проводили политическую, массово-агитационную работу среди молодежи, обеспечивали рост рядов комсомола. Устраивали мы и военизированные походы комсомольцев и молодежи под руководством райвоенкома. Была создана футбольная команда, которая играла неплохо, даже выезжала в другие районы. Активно участвовали и в самодеятельности. Нами даже был создан небольшой духовой оркестр. Мне неоднократно приходилось в составе окружного комсомольского конного отряда участвовать в описи зажиточных хозяйств на предмет их определения, являются ли они «кулацкими» хозяйствами, и выявлять их «реакцию» на вопросы «сплошной коллективизации». Нелегкое это было дело. С отрядом я попал и к своему бывшему хозяину Земляному, у которого работал в батраках. Теперь уже меня хозяин называл не Петькой, а Петром Ефимовичем, хотя мне это было и ни к чему. У него тоже пришлось описывать хозяйство. Даже спустя столько лет неприятно это время вспоминать. На квартире я жил и там же столовался у Радиных. Это была местная мещанская семья. Отношение ко мне было неплохое, но из-за чрезмерного ухаживания за мной хозяйки и ее дочери пришлось переменить квартиру. Я перешел на квартиру к Колисниченкам. Это была сама по себе интересная семья. Старший сын хозяина был заведующим клубом, его жена учительствовала. Оба они обладали артистическим и режиссерским талантом. На них держалась вся работа клуба и вся самодеятельность. Впоследствии эти молодые муж и жена переехали в Изюм и возглавляли окружной театр.

Все шло неплохо, но были и трагические случаи. В одной из стычек с бандой в лесном массиве над рекой Сокол в перестрелке были убиты два наших комсомольца, которых мы похоронили с почестями. Молодые жизни ушли, это нас всех очень огорчало, но борьба есть борьба.

ные оценки показных антисталинистов (оценка, например, Волкогонова: «Жизнь и итоги деятельности Сталина – триумф и трагедия»), ибо трагедия народов России, СССР в результате господства сталинизма делает безнравственным сам вопрос о личной трагедии Сталина. Десталинизация общества началась при Хрущеве, но и при нем, и после него велась непоследовательно, переплеталась с рецидивами неосталинизма. Сталинистский менталитет нетерпимости к инакомыслию, волюнтаристского подхода к законам и законности не изжиты до сих пор ни обществом, ни рядом субъектов государственности в странах – бывших республиках СССР. И в первую очередь – в России.

Через некоторый промежуток времени при трагических обстоятельствах погиб еще один активист и пострадал другой. Случай произошел при следующих обстоятельствах: нас пять человек поехали в село Нижняя Соленая «проводить коллективизацию». После проведенной дневной работы мы опасались где-либо ночевать и решили остановиться на ночь в сельском совете. Глубокой ночью, когда мы уже спали, почувствовали запах гари. Огонь уже лизал потолок. Мы бросились к входной двери, но она оказалась заперта снаружи. Тогда мы открыли ставни и намеревались выскочить в окна, но увидели, что у окон маячат фигуры с топорами в руках. Мы поняли, что случилось, начали стрелять в окна, и нам показалось, что путь свободен. Но как только два наших товарища прыгнули в окна, один тут же погиб под топорами, а второй остался калекой на всю жизнь. Мы трое спаслись только потому, что на выстрелы подоспели наши товарищи, сбежался народ. Оказалось, что бандиты снаружи завязали дверь проволокой. Хату и соломенную крышу облили керосином и подожгли. Бандиты были пойманы и осуждены.

1929 год. По рекомендации окружкома комсомола меня и Ивана Шеховцова, председателя профсоюза Райрабземлеса, пригласил к себе военком округа и предложил в порядке комсомольской мобилизации поехать на учебу во Владикавказскую горнопулеметную школу. Я освоил работу, привык к комсомольцам, друзьям, к старшим моим товарищам Мырленко и Рябцеву, которые дали мне очень много в вопросах организационно-политической закалки, навыков самостоятельной работы. Но дисциплина есть дисциплина, и дела райкомовские я сдал.

По прибытии в школу нас распределили по отделениям, взводам и ротам. Выдали нам обмундирование, и приступили мы к строевым занятиям, изучению уставов, оружия, в особенности станкового пулемета «максим». Проводились политзанятия и военные походы. Прошло немногим больше месяца, и мы с Иваном Шеховцовым почувствовали себя не в своей тарелке. Среди всех курсантов двое нас были членами ВКП(б). Даже наш командир взвода не был членом партии, да и по возрасту мы были старше остальных курсантов на два-три года. Наша общая политическая, физическая подготовка, знание уставов и оружия были на уровне командиров взводов, даже рот. Начальник школы и комиссар сами удивлялись, каким образом мы попали в эту школу младших командиров. Когда приехала какая-то комиссия для общего ознакомления и инспекции школы, по предложению начальника школы и комиссара она провела с нами собеседование и пришла к заключению, что нам с Шеховцовым в этой школе делать нечего. Было принято решение нас направить с сопроводительными документами в распоряжение Изюмского окружного военкомата. Нас это решение не огорчило, а, наоборот, только обрадовало. Выписали нам проездные документы, выдали сухой паек на трое суток, и мы отбыли восвояси, в свой родной Изюм. Только нас смущало, что наша прежняя работа занята. Куда нас пошлют и где нам придется работать?

Прибыли мы в Изюм, явились в окружной военный комиссариат, там прочли содержимое пакета, который мы привезли из школы, развели руками и сказали: «Да, действительно произошло недоразумение. Вы свободны». Но нам от этого не было легче. Пошли в окружном ВКП(б) определяться на работу. Шеховцов возвратился в Боровский район, его место профсоюзного «деятеля» еще не было занято. А мое место секретаря райкома комсомола уже было занято: только недавно туда послали человека, и потому мне возврата на прежнее место работы не было. Начал было уже сам думать, куда же мне определиться, но тут я встретил Крумголец, нашего школьного преподавателя политэкономии. Она уже работала завкультпропом окружкома партии. Я ей рассказал все свои злоключения, и она, успокоив, предложила зайти к ней. Когда я на следующий день пришел в окружном, Крумголец предложила мне учиться. Я даже не спросил, где учиться, так обрадовался: «Да, очень хочу». Крумголец повела меня к Рудковскому. Рудковский был секретарем окружкома. Старый коммунист, шахтер, очень хороший человек, он пользовался громадным авторитетом и уважением среди всего населения округа.

Рудковский тоже порекомендовал ехать учиться в Харьков в трехгодичную партийную школу имени Артема. Состоялось решение окружкома с направлением меня на учебу. Получил документы, командировочные, поблагодарил Рудковского и Крумголец и уехал в Харьков держать экзамены.

Спустя почти сорок лет, в 1970 году, мне пришлось встретиться в Ворошиловграде на партийном активе с Рудковским. Он был уже давно на пенсии и совершенно слепой. Мне впоследствии рассказали, что он перенес сильные гонения во времена культа Сталина. Встреча и беседа у нас с Рудковским была радостной и теплой, как отца с сыном, тем более что Рудковский был моим поручителем при вступлении в партию. Он не мог меня видеть и при всем активе прямо на сцене, а в зале присутствовало 1200–1300 человек, попросил разрешения своими руками ощупать мое лицо и плечи. Трогательно это было, вместе с этим и грустно. После этого он сказал: «Теперь я знаю, какой ты есть». Этой встречи я не забуду до конца своих дней.

Экзамены выдержал хорошо и приказом по школе был зачислен студентом. Здесь состав курсантов-студентов более солидный: секретари райкомов партии, секретари горкомов, работники окружкомов партии, секретари окружкомов комсомола, председатели РИК, хозяйственные работники. И возраст солидный – есть «дяди» до пятидесяти лет. Я и тут, как и в Изюмской совпартшколе, самый молодой, хотя тут все члены партии. Учеба поставлена на более высокую ступень. Начинаем заниматься по первоисточникам: трудам В. И. Ленина, «Капиталу» К. Маркса. Углубленно изучаем историю, в том числе и историю Французской революции, философию, политэкономия, экономическую и физическую географию, литературу, математику, физику, химию и даже немецкий язык – тогда он был особенно в моде. Нагрузка в учебе большая, приходится работать много, даже вечерами. Помогают консультации преподавателей. Кое-кому приходится очень трудно. Начался даже отсев из школы по неуспеваемости. Я постепенно втягиваюсь в учебу, и дела мои идут неплохо. По всем предметам иду ровно, нахожусь на хорошем счету. Меня избирают членом бюро школьного комитета комсомола, начинаю постепенно втягиваться в общественную работу.

Секретарем партийного комитета школы был избран Стороженко, лет сорока пяти, хорошо подготовленный, до школы он работал агитпропом в каком-то окружкоме партии. Он с первых дней моего прибытия относился ко мне, как к младшему брату. Он-то мне и сказал по секрету неприятную новость: из Боровского района на меня пришла анонимка, что, будучи там секретарем райкома комсомола, якобы я посягал на честь девушки-комсомолки, которая работала в райисполкоме машинисткой, а в порядке комсомольского поручения в РК ЛКСМУ печатала циркуляры, протоколы, письма. Имя этой девушки было Клава, это была близкая подруга Веры Колисниченко. Я впервые в своей жизни тогда столкнулся с подлостью и клеветой, сильно переживал, хотя и знал, что это какой-то наговор, но как все это объяснишь, и тем более, что все это было накануне предстоящей чистки партийных рядов¹⁸. Послана была комиссия на место, разобрались. Выводы: «Клевета, вернее говоря, шутка». Хорошая шутка!..

На курсы библиотекарей из Боровой приезжала Вера Колисниченко. У меня с ней были самые хорошие, теплые, товарищеские взаимоотношения. При встрече мы обстоятельно поговорили о комсомольских делах в Боровском районе, о товарищах, с которыми мне приходи-

¹⁸ Чистки партии – кампании, проводившиеся в период 1919–1936 годов в РКП(б) – ВКП(б) с целью перерегистрации членов партии, очищения от «проникших в ее ряды враждебных и классово чуждых элементов» и лиц, нарушивших морально-партийные нормы. Проводились специальными комиссиями на открытых партийных собраниях с присутствием всех желающих. После окончания чистки в масштабе всей страны выдавались партийные билеты нового образца. Факты злоупотреблений, сведения личных счетов и клеветы во время массовых чисток, особенно в 30-е годы, заставили отменить чистки на XVIII съезде ВКП(б) в 1939 году.

лось работать. Я ей рассказал, что на меня из Боровой написана была анонимка и что на место выезжала комиссия для проверки. Ничего, конечно, не подтвердилось, но мне все же интересно знать, кто же эту клевету написал. Вера мне ответила, что из комиссии товарищи с ней тоже разговаривали. Все комсомольцы подтвердили, что это клевета. А анонимку написала сама Клава, машинистка райкома комсомола, это она сама сказала Вере после отъезда комиссии, а сделала она это «в порядке шутки». Я сказал, что такими вещами шутить нельзя – эта «шутка» стоила мне много нервов.

1930 год. Всем курсом школы едем на практику, но в разные места. Наша группа проходит практику вначале в Волчанском районе Харьковского уезда, а затем в селе Русская Лозовая, что в 20–25 километрах от Харькова. Хорошо подружились с местными учителями.

Были рождественские святки. Зима стояла снежная и холодная. Как-то стало нам известно, что на льду большого озера готовится кулачный бой. Руководителем нашей практики был какой-то ортодокс. Собрал нашу группу, а нас было 16 человек, и поставил перед нами задачу: не допустить кулачного боя – этого «варварского побоища». Рано утром мы вышли на место предполагаемого кулачного боя. Все было спокойно. Но чуть поднялось солнце, как на льду появились две группы подростков, человек по двадцать с каждой стороны, и началась «кулачная свалка». Мы для подростков были уже великовозрастными «дядями», и на первых порах наше вмешательство как-то локализовало кулачный бой между подростками. Но вот появились ребята постарше, и с обеих сторон человек по сорок – пятьдесят. Мы снова попытались не допустить кулачного боя, но нас «вежливо» предупредили, чтобы мы не вмешивались, если не хотим, чтобы и нам перепало. Через некоторое время на льду было уже человек триста – триста пятьдесят, и пошли «стенка на стенку». Среди дерущихся были и солидные бородачи. Завязался настоящий кулачный бой. Немало уже лежало «бойцов» на льду, некоторые постепенно уползали с «поля боя». Я впервые в своей жизни видел кулачный бой, и он на меня произвел большое впечатление, хотя и сам был далеко не из смиренных и не один раз приходилось участвовать в драках, защищать свою честь, гордость и достоинство.

Мы всей группой стояли на пригорке и наблюдали это побоище, варварское, но традиционно русское. Зрелище само по себе было захватывающим. Бой продолжался около часа. Одна «стенка» была сломлена, дрогнула, отступила, и бой прекратился. В итоге боя – два человека были убиты и несколько человек получили увечья и ранения. Но никто ни к кому не предъявил претензий, так как бой был совершенно добровольный. Нашу же группу порицали за то, что мы не смогли «убедить» односельчан отказаться от кулачного боя.

Во время нашей практики был еще один инцидент: нашей группе совместно с местным активом было поручено провести акт «антирелигиозной» пропаганды – в одном из сел снять колокола с действующей церкви, «чтобы звон колоколов и поп своими проповедями не одурачивали народ». Накануне тщательно обсудили все организационно-технические мероприятия и саму технику снятия колоколов. Но когда мы рано утром прибыли в село со всем своим «снаряжением», то увидели возле церкви множество народу. Мужики большой группой стояли поодаль, женщины поближе к церкви. Когда же мы начали приближаться к нашему «объекту», то по какой-то неведомой команде женщины двумя кольцами оцепили церковь. Одна группа – внутри церковной ограды, другая – снаружи ее. Но когда мы подошли еще ближе, женщины повернулись к нам спиной, задрав подолы, и стали к нам «раком». Нас все это буквально сшибло от срама и стыда. Мы просто остолбенели и конечно же отступили. Мужики, стоявшие поодаль, зорко наблюдали за нашим поведением. И когда мы убралась восвояси, женщины приняли нормальную позу, а мы под общий хохот ретировались. Итак, нами не была выполнена «антирелигиозная акция» снятия колоколов с церкви.

Занимаясь в школе, я одновременно учился по отдельной программе по книгам «Вуз на дому». Начал готовиться к вступительным экзаменам в один из вузов Харькова. Стороженко одобрительно отнесся к моим намерениям.

В нашей школе, как и везде, готовились к предстоящей чистке рядов партии. У нас проходила чистка в помещении школьного клуба, в присутствии всей партийной организации и беспартийных, их набиралось 350–400 человек. Комиссия по чистке из старых большевиков сидит на сцене как «судейская» коллегия. Секретарь комиссии ведет протокол почти стенографически. Проходящего чистку приглашают на сцену, зачитывают анкетные данные. Затем председатель и члены комиссии задают самые разнообразные вопросы. По анкетным данным: где вступал в партию, кто был поручителем, почему ушел с одной на другую работу. О родственниках, вплоть до третьего поколения, о связях с заграницей, об участии в оппозициях, о религиозных убеждениях. Особо интересовало семейное положение: если женат, то как относишься к семье. Если не женат, то почему. Спрашивали об отношении к выпивке, к работе и учебе, к политической подготовке и общей политической и идеологической ориентировке, к выполнению партийных нагрузок. Затем комиссия обращалась к присутствующим в зале с вопросом: «У кого есть какие вопросы к проверяемому?» На все вопросы проверяемый обязан дать четкие и предельно ясные ответы. Тут уж не скажешь, что вопрос задан «не по существу». Партийный билет проверяемого находился в руках председателя комиссии. Когда проверяемый ответил на все вопросы и их уже больше нет ни у комиссии, ни у присутствующих, объявляется решение комиссии по чистке рядов партии: «Считать, что такой-то товарищ чистку партии прошел». Возвращается партийный билет, и ты сходишь со сцены в зал под аплодисменты.

Прошел и я чистку, и прошел хорошо, но волнения были. Сама процедура массовости, торжественности и строгости заставляла тебя волноваться. Были и такие, которые не проходили чистки. Им партийный билет не возвращался, а всенародно объявляли, что по таким-то мотивам чистку не прошел, из партии исключается. Решение комиссии по чистке можно было обжаловать в вышестоящие партийные органы, но, как правило, оно оставалось в силе. Не берусь точно утверждать, но по этой чистке «отсеивалось» до 15–20 % от всего состава партии. Чистка партийных рядов, открытая перед всем народом, была строгим и действенным контролем чистоты партийных рядов и грозным предостережением ее «засорения» разного рода проходимцами, карьеристами, льстецами, приспособленцами, недобросовестными людьми в работе, пьяницами, морально неустойчивыми элементами, политически и идеологически неподготовленными людьми, случайно принятыми или специально «пролезшими» в ряды партии. Все это поднимало авторитет члена партии и в целом ВКП(б).

Наступили летние каникулы 1930 года. Слушатели школы разъехались кто куда: кто домой, а кто на отдых, к морю. Я же с группой моих товарищей сижу как окаянный, готовлюсь к экзаменам. Подал я документы в Институт народного хозяйства (ИНХОЗ). Почему именно в этот вуз, даже сам толком не могу объяснить. Очевидно, потому, что этот институт в Харькове, да, пожалуй, и на Украине, был самым популярным вузом. В нем была самая крупная партийная организация и самая боевая по борьбе с троцкизмом, правыми и левыми уклонами, самый боевой студенческий и профессорско-преподавательский состав. Кроме того, шел разговор, что ИНХОЗ готовит будущих «красных директоров» предприятий. Все это, вместе взятое, не могло не привлекать, тем более еще когда разыгрывается фантазия молодости.

Держу экзамен – все идет неплохо, но вот по письменной математике получаю двойку, и в приказе по зачислению моей фамилии нет. Огорчен до слез. В школу возвращаться совестно, просто стыдно. Решил совсем оставить учебу, возвратиться на железную дорогу и стать машинистом паровоза – это моя старая мечта. Но таких, как я, «неудачников», набралось 30 человек – почти все коммунисты, большинство рабочих, многие уже успели поработать на партийной,

хозяйственной и комсомольской работе. Мы собрались и пошли в ректорат института всей компанией забрать свои документы и заодно заявить свой протест и возмущение, что в вуз принимают только интеллигенцию да маменькиных и папенькиных сынков, а, мол, рабочей молодежи в вузы доступа нет. Причем многие из нас серьезно допускали мысль, что нас «зарубили» специально на экзаменах.

Возмущениям нашим не было предела. Нас внимательно выслушал ректор ИНХОЗа Содин. По национальности еврей, старый коммунист, по-настоящему партийный человек. Он видел, что такую группу упускать нельзя. Вместе с тем для учебы в вузе достаточной подготовки по точным наукам у нас не было. Содин нам поддал мысль: организовать из нас специальную ускоренную группу рабфака, и через полгода усиленной подготовки мы будем зачислены студентами вуза. Содин своим предложением поколебал наши намерения забрать документы. Его настойчивость и убедительные доводы взяли верх.

Итак, мы всей группой стали студентами рабочего факультета. Сбывается моя мечта и надежда, что я стану студентом настоящего вуза. Специальная группа рабфака по своему составу, подготовке и возрасту была довольно разнообразна: были рабочие, крестьяне, служащие, членов партии 18 человек, остальные комсомольцы. Среди нас были и великовозрастные «дяди» по 30–35 лет, а самому старшему среди нас латышу Станиславу Сурелю, члену партии с 1917 года, было 45 лет. В дни становления советской власти он был первым военным комиссаром и военным комендантом города Харькова. У этого человека была неодолимая жажда и стремление к знаниям. Ему все давалось тяжело, к тому же он работал на ответственной хозяйственной работе, но он честно и добросовестно одолевал все и «грыз гранит науки». По своему характеру это был добрейший человек, кристально честный, хороший старший товарищ.

Главными для нас дисциплинами были математика, физика, химия, русский и немецкий языки. Преподавательский состав на редкость был подобран хорошо. Внимательные, требовательные, с каким-то особым педагогическим подходом. Занимались мы много и упорно. Тогда была мода заниматься бригадным методом¹⁹. Бригада комплектовалась на добровольных началах, но преподаватели все же следили, чтобы силы по знаниям распределялись равномерно. Бригада из 5–6 человек совместно готовила уроки, сдавала зачеты и экзамены. Преподаватель же спрашивал с каждого в отдельности. Но если кто из членов бригады не знал предмета, то за это нес ответственность бригадир и ему за это доставалось. Мне тоже приходилось быть бригадиром, и это было нелегким делом – нести ответственность не только за себя, но за каждого члена бригады.

Шесть месяцев напряженной, трудной и упорной учебы прошли, казалось, быстро. Проведены экзамены, собеседование, и нас зачислили студентами ИНХОЗа. Я по своему собственному желанию выбрал факультет по металлургическому профилю. Вскоре ИНХОЗ был переименован в Инженерно-экономический институт.

После окончания рабфака учиться было гораздо легче, хотя и не без определенных трудностей. Не оставлял и общественную работу. Меня избрали членом бюро комитета комсомола института, а вскоре и секретарем комитета комсомола и членом парткома института. Стипендия была маленькая, всего 35 рублей. Ее хватало на пропитание, и то лишь на винегрет, халву и хлеб – это в основном было студенческое питание того времени. Прямо скажем, подчас жилось

¹⁹ Бригадно-лабораторный метод – одна из организационных форм учебных занятий, применявшаяся в СССР в общеобразовательных школах, а также в вузах и техникумах в 20-х и начале 30-х годов. В основу организации работы были положены бригады, создаваемые из учащихся во главе с бригадиром из их среды. Учащиеся работали по заданиям, рассчитанным на срок от двух недель до одного месяца. В них указывались литература и контрольные вопросы, предусматривались задачи и упражнения. Преподаватель консультировал учащихся. По выполнении всех заданий проводились заключительные занятия, на которых отчитывалась бригада и оценивалась ее работа в целом. Индивидуальный учет труда и успеваемости каждого учащегося отсутствовал. Все это отрицательно сказывалось на знаниях учащихся, порождало обезличку и безответственность в учебно-воспитательном процессе. Постановлением ЦК ВКП(б) от 25 августа 1932 года была осуждена практика превращения бригадно-лабораторного метода в универсальный метод учебной работы.

просто впроголодь. А еще приходилось помогать престарелым родителям. Поэтому приходилось подрабатывать разгрузкой и погрузкой железнодорожных вагонов, что давало в месяц по 20–25 рублей.

По поручению ЦК ЛКСМУ мне и еще одному студенту старшего курса нашего института было поручено написать брошюру об опыте работы комсомольско-производственной коммуны на заводе «Серп и Молот». Книжечка была нами написана и издана, по отзывам, получилась неплохая, нам даже был выплачен гонорар по 150 рублей. Правда, впоследствии, спустя почти шесть лет, мне чуть было не предъявили обвинение в «левацком загибе» за эту брошюру.

Получил печальное известие – в телеграмме сообщалось, что умер мой отец. Отца я любил и глубоко уважал за его мужество, честность, неподкупность, за смелость в военных действиях в турецкой войне. Известие о его смерти меня очень огорчило, хотя я знал, что он последние годы болел. Отец умер на девяносто втором году жизни, покинул этот мир старый солдат, повидавший виды на своем веку. Мне отца было очень жалко, ушел из жизни потомок казачьего рода.

Мы с младшим братом Митей, который учился в Харьковском университете, поехали на похороны отца, но, к великому огорчению, опоздали на сутки – подвела телеграмма. На похороны приезжал старший брат Яков, он тогда работал на железной дороге на станции Лихая. Мы с братом до слез были огорчены, что не смогли проводить отца в последний путь и проститься с ним, взглянуть последний раз на его лицо. Пошли с братом на кладбище посмотреть могилу отца и подправить ее. И тут у меня родилась дерзкая мысль, неотступное желание посмотреть на отца. Я предложил Мите открыть гроб отца, посмотреть на него в последний раз и проститься с ним навсегда. Молодые, здоровые, мы решили совершить самостоятельно этот «акт». Через полчаса мы вскрыли гроб отца, посмотрели его и простились с ним. После этого у меня на всю жизнь запечатлелся образ отца. Никаких изменений и искажений мы не заметили на его лице. Он как будто бы спал спокойно. Нам стало как-то легче, что отдали свой последний сыновний долг.

Говорили, что мы поступили с братом по-кошунски, нарушив покой усопшего. Но по-другому мы поступить не могли, пусть простит нас отец. Горечь на душе и сердце огромная. Мать нам рассказала о последних днях его жизни. Он часто нас вспоминал, хотел видеть, наказал нам беречь нашу мать. Мать нам говорила, что отец умирал спокойно, в полном сознании, сделал все распоряжения по дому. Умер отец от «антонова огня» (так в народе называли заражение крови).

Простились мы с матерью, оставили ей денег немного и уехали в Харьков. Жизнь требовала своего.

Едем на производственную практику в Днепропетровск на металлургический завод имени Петровского. Увлечен технологическим процессом всего металлургического цикла, много читаю литературы по металлургии, пылливо присматриваюсь – пытаюсь, по крайней мере, понять весь металлургический процесс. После доменного производства прохожу практику в мартеновском и прокатном цехах завода.

У меня зародилась дерзкая мысль написать краткую техническую, популярную брошюру по доменному производству. Много упорного труда, и все же книжечка с чертежами, иллюстрациями, изложением технологического процесса доменного производства получилась. Рецензировал мою брошюру профессор Харьковского института стали Штерн. Я у него был на консультации несколько раз. Он ко мне очень доброжелательно относился и во многом мне помог. Говорили, что брошюра «очень удалась», а моя популярность в институте возросла. Именно тогда я решил связать свою судьбу с металлургической промышленностью, даже убедил сам себя в том, что я кое-что начал понимать в металлургическом производстве.

Но мечта одно, а жизнь всегда диктует свое. В 1932 году пригласили меня в ЦК ЛКСМУ, где предложили без отрыва от учебы быть редактором радиогазеты «Комсомолец Украины». Откровенно говоря, в этом деле я ничего не понимал, да и не было никакого желания идти на эту работу. Я отказывался от предложенного доверия. Все же меня утвердили редактором. Во всей моей редакторской деятельности меня основательно выручал секретарь газеты, квалифицированный журналист, который в свое время работал еще в петроградских газетах. Он мне рассказывал много интересных и забавных историй из своей старой журналистской деятельности. Относился ко мне очень хорошо, многому научил по приемам журналистики и газетной техники. У нас были своя радиостудия, дикторы, отведенное нам время. Три раза в неделю в эфире звучал голос «Комсомольца Украины». Газета пользовалась большой популярностью. Год работы редактором «Комсомольца Украины» мне многое дал для общего развития, политического и культурного кругозора.

Такие разные 30-е. «Работали, не считаясь со временем»

1932 год. Вышло постановление ЦК КП(б)У о направлении в Донбасс группы коммунистов для оказания помощи в работе металлургической и горнорудной промышленности. В число этой группы попал и я. Изъявил желание попасть на металлургический завод и рассказал об этом управляющему «Югостали» Селиванову. Он порекомендовал мне поехать на Мариупольский металлургический завод имени Ильича и тут же написал рекомендательное письмо директору завода Радину.

При встрече с Любой Банной, студенткой нашего института (мы симпатизировали друг другу), я ей сказал, что еду в Донбасс. Она предложила: «И я поеду с тобой, если ты не возражаешь». Я ей ответил: «Приезжай, буду рад». И все это как-то получилось полусутья-полусерьезно, но мы твердо условились писать друг другу.

В конце сентября 1932 года я прибыл на станцию Сартана, на завод имени Ильича. Меня приняли директор завода Радин и главный инженер Кравцов, старый специалист. Тут же присутствовал и Мосяков, заместитель главного инженера завода-шефа «Провиданс». Разговор с руководством завода был хорошим, доброжелательным. Завод имени Ильича был по тем временам огромным предприятием, работали на нем около ста двадцати тысяч человек.

Я и сейчас многих вспоминаю с большой теплотой по совместной работе в то сложное и трудное время. Высокой квалификации был инженер Голубицкий – специалист прокатного производства, заместитель начальника цеха. Он хорошо разбирался в политических вопросах. Когда в 1933 году Гитлер пришел к власти, Голубицкий мне, точно помню и сейчас, сказал: «Ну, теперь войны не миновать». Он очень остро реагировал на все внешние и внутренние политические вопросы, вплоть до критики культа Сталина. Впоследствии мне стало известно, что его в 1936 году арестовали, после чего он бесследно исчез. Жалко, талантливый был человек. Обер-мастером прокатного цеха работал Зуев – это был малограмотный человек, но прокатное производство на практике знал лучше любого инженера. В цехе работали его четыре сына. Это была настоящая рабочая династия. Старшим сварщиком всех нагревательных печей работал высокой квалификации своего дела Шумаков, довольно грамотный и начитанный. Заведующим мастерской калибровки и расточки прокатных валков был Яготинский, специалист своего дела. Главным механиком всего завода был мой однофамилец Шелест, работавший на заводе 35 лет и знавший каждый уголок заводской территории, все механизмы и инженерные сооружения. На заводе он был непререкаемым авторитетом по всем машинам и заводским коммуникациям. Шелест ко мне относился очень хорошо, и это помогало нам решать многие вопросы по нашему цеху. Всем этим и многим другим инженерам, мастерам, рабочим я обязан, от них я многому научился и перенял хорошее.

Затребовал документы из Харьковского инженерного института и в порядке перевода поступил на третий курс вечернего отделения Мариупольского металлургического института на факультет по горячей обработке металлов. Учиться и работать было нелегко. Я как-то быстро вошел в жизнь завода и был избран членом правления клуба ИТР. Добавилась мне общественная работа.

С Любой мы переписывались почти регулярно, я ее приглашал приехать. Она обещала. И вот я получаю телеграмму: Люба приезжает! Я ее встретил, разместил в гостинице. Ей обстановка понравилась. Договорились, что она приезжает ко мне насовсем, переводится в Мариупольский институт. Мне выделяют комнату в общежитии ФЗО, но там жить и заниматься было совершенно невозможно – страшный шум, зимой невероятный холод, нет удобств. Вскоре мы с Любой расписались. Оба учимся в вечернем институте, и оба работаем. Меня назначили заме-

стителем начальника цеха – повысился ранг, но жить, по существу, негде. Все же добиваюсь квартиры из двух комнат в коттедже. Это уже хорошо, тем более что мы ждем «наследника»: почему-то решили, что будет обязательно «он» – мальчик. Устраиваемся, обживаемся, работа, учеба, общественные обязанности. Я по-прежнему в правлении клуба ИТР. Люба участвует в художественной самодеятельности, поет, и неплохо, имеет успех, даже популярность. Все постепенно налаживается.

1933 год. Началось строительство металлургического завода «Азовсталь». Его контуры с каждым днем все ярче вырисовываются, и это все видно из нашего прокатного цеха с территории «Провиданса». В ночное время непрерывно вспыхивают молнии от сварочных аппаратов, идет сварка конструкций будущего металлургического гиганта «Азовсталь». На новое предприятие набирают кадры. Предложили и мне перейти на «Азовсталь» – отказался. Надо закончить институт, защитить диплом, а там будет видно. Мне пошел двадцать четвертый год, Любе – двадцать второй. Мы уже вполне самостоятельные люди, тем более по тем временам. Жить приходится самостоятельно, да еще помогать моей матери, которая живет одна в Харьковской области, и живет впроголодь, несмотря на нашу помощь. В то время – 1932–1934 годы – на Украине был страшный голод. На селе вымирали от голода семьями, даже целыми деревнями. Во многих местах было даже людоедство – это была трагедия. Все же когда-нибудь станет известно, сколько же от голодной смерти в эти годы погибло людей. Это было просто преступление нашего правительства, но об этом стыдливо умалчивается, все списывается на успехи и трудности «роста».

Мы живем впроголодь, но все же не голодаем, оба получаем продовольственные карточки. Я получаю по карточке 600 граммов, Люба 400 граммов хлеба – килограмм на двоих, да еще кое-какие консервы, яичный порошок, селедку. В общем, жить как-то можно.

16 августа 1933 года родился у нас сын. Это была большая радость и вместе с тем огромная забота: надо было подкармливать Любу, чтобы она могла кормить малыша. Я подрабатываю – читаю курс лекций по комплексу прокатного производства на курсах повышения квалификации. Многие мои слушатели на практике знают больше своего «учителя», но теоретических знаний у них явно маловато. Приходится популярно излагать теорию прокатки, калибровку валков, работу и процесс сварочных печей, силовые установки прокатных станков, химический и механический состав, содержание разных металлов, которые прокатываются на прокатных станах завода имени Ильича. Это была большая практическая и теоретическая школа подготовки как для мастеров, так и для меня. И вместе с тем большая материальная поддержка.

Сын наш растет очень беспокойным мальчиком. Любе надо работать и заниматься, а оставить ребенка не на кого. О детских яслях тогда только мечтали, так же как и сейчас во многих местах. Люба решила пригласить к себе в помощницы младшую сестру Лену. (Ей было тогда лет пятнадцать – шестнадцать, хорошая девушка.) Нам стало значительно легче. Втроем выбираем имя нашему малышу. Решили, что имя Борис в сочетании с отчеством созвучно: «Борис Петрович». В метрической записи у Бориса в графе: «Где родился?» – записано: «Ст. Сартана, на заводе Ильича» – одним словом, настоящий заводской парень.

В командировку на наш завод приехал мой соученик по рабфаку С. В. Сурель. Он работает управляющим харьковской конторы «Судморснаб». Разговорились. Ему, оказывается, нужен начальник отдела черных и цветных металлов. Должность приличная, неплохой оклад, Харьков – все это, вместе взятое, не могло меня не взволновать, когда Сурель предложил мне занять такую должность, тем более в моем родном с юношеских лет городе. Но как это сделать? Ведь с завода меня никто не отпустит. Это можно сделать только переводом вышестоящих инстанций, Сурель обещал решение этого вопроса взять на себя, но просил только моего согласия. Я дал согласие, но, откровенно говоря, мало было веры в реальность этого дела.

Прошло около трех месяцев, как у нас с Сурелем состоялся разговор. Я уже и не ждал, и не надеялся на решение этого вопроса. Работы много, тем более поговаривают, что Рудаков не возвратится в цех и мне быть начальником цеха. Ну что ж, перспектива неплохая, людей я знаю, они ко мне относятся хорошо, производство я освоил неплохо. Теперь уже дипломированный инженер, в заводууправлении я тоже на хорошем счету.

Но вот как-то меня вызывают к главному инженеру и сообщают, что по решению вышестоящих организаций откомандировываюсь в распоряжение судостроительной промышленности. Тут же мне главный инженер завода говорит, что если я напишу заявление с отказом ехать в Харьков, то он все сделает, чтобы я остался на заводе имени Ильича. Но я этого не стал делать. Итак, мы всей семьей переезжаем в Харьков. Работа есть, но жить пока что негде. За счет Главморсудснаба снимаем комнату в частном доме в районе Конной площади. Дом чистенький, хозяева приветливы, но все это без удобств. Люба с Борей на несколько месяцев уезжает к родным в Днепродзержинск.

Я поглощен новой работой, отдел мой в Главморсудснабе основной, составляет 70–75 % всего объема снабжения судостроительной промышленности. Работа мне нравится, живая, оперативная, захватывающая. Приобретаю дополнительный опыт уже более крупного масштаба. Одно мучает: нет у меня с семьей своего собственного угла. Предпринимаю меры к приобретению собственного жилья. В коммунальной квартире (во флигеле) по улице Иванова, № 36 за наличный расчет покупаю одну маленькую комнату в 10 метров, с печным отоплением, без особых удобств. Но все же есть свой угол и приют для нашей маленькой семьи. Люба с Борей на лето 1936 года вновь уезжают в Днепродзержинск. Из письма я узнаю, что родной брат Любы, Банный Николай, – научный работник Харьковского инженерно-экономического института, арестован по политическим мотивам. Это меня страшно огорчило, а по тем временам особенно, так как это обязательно отразится на всех родственниках и даже знакомых.

Срок моей военной брони истек. Я получил предписание военкомата явиться для уточнения данных. По занимаемой мной должности я имел право на получение брони, но от нее отказался. Решил, что рано или поздно надо отслужить действительную военную службу в рядах Красной армии и получить воинское звание. Семья остается в Харькове, благо есть какой-то угол. На работу Любу нигде не берут, ибо она сестра репрессированного по «политическим» мотивам брата, чуть ли не «врага народа». Все же с большим трудом, и то только потому, что я, кормилец, ухожу в армию, определил Любу на работу термистом на патефонный завод. Сам я ухожу в команду одногодичников проходить действительную военную службу в рядах Красной армии.

Осень 1936 года. Скомплектована команда одногодичников в количестве 96 человек. Я назначаюсь старшим. Мне вручаются все документы, и мы должны отправляться в воинскую часть. Первая разрядка была на Дальний Восток, затем окончательно определились: город Днепропетровск, 30-й отдельный учебный танковый батальон. Все мы, курсанты 25–30 лет, все с высшим образованием – инженеры, конструкторы, технологи, уже с довольно солидным практическим опытом командной работы. Но военная служба заставляла делать все: стоять в карауле, дежурить на кухне, убирать казарму, мыть полы и чистить места общего пользования. В то же время нам надо было за один год пройти курс нормальной трехгодичной военной школы, знать уставы, разбираться в тактике, самостоятельно решать тактические задачи, в совершенстве изучить материальную часть танка Т-26, научиться водить автомобиль, трактор, а затем и танк, отлично владеть стрелковым оружием, хорошо стрелять из станкового пулемета и пушки, изучить и знать парковую службу. Да еще многое надо было изучить и знать – ведь через год нас должны будут аттестовать командирами-танкистами.

Комиссаром полка, в который входил 30-й танковый батальон, был Руденко, грамотный, обаятельный, интересный человек. В первые же дни нашего прибытия в полк он меня пригласил для обстоятельной беседы. А через несколько дней приказом я был назначен политруком роты курсантов-одногодичников, оставаясь сам рядовым курсантом. Первым политическим занятием с курсантами у меня было изучение сталинской конституции 1936 года.

1937 год. Как-то меня пригласил к себе комиссар полка Руденко. У него сидел военный, в петлицах которого было по три «шпалы». Оказалось, это был представитель особого отдела дивизии. Разговор со мной шел о том, известно ли мне, что родной брат моей жены Банный Николай арестован, находится под следствием и скоро предстанет перед судом «тройки»²⁰. Я ответил, что мне известно об аресте брата жены, но какое предъявляют ему обвинение, мне неизвестно и я об этом ничего не знаю. Мне был задан вопрос, встречался ли я с Банным и какой был у нас с ним разговор? Я ответил, что встречался, и не один раз, а разговоры были общие. Не было определенной темы в разговоре. Затем меня спросили, писал ли я книгу о молодежной рабочей коммуне на опыте харьковского завода «Серп и Молот»? Я ответил, что такая брошюра была написана и вышла в свет. Писалась она по заданию ЦК ЛКСМУ, и я в этом ничего плохого не вижу. Представитель особого отдела мне сказал, что меня обвиняют в «левацком загибе». Я возразил, что написана она, брошюра, была с санкции партийных органов, да и с тех пор прошло более пяти лет, почему же этот вопрос поднимается сейчас? Беседующие со мной обошли мой вопрос молчанием. После этой «беседы» со мной на эту тему больше никто никогда разговора не вел. Отношение ко мне командования и политорганов части осталось по-прежнему хорошим.

Подходил срок нашего выпуска и аттестации как командиров. Некоторых из нас командование приглашало остаться в кадрах Красной армии. Была и со мной такая беседа. Ее проводили комиссар полка Руденко и новый командир полка (старший к этому времени был арестован). Моя кандидатура командование интересовала особо: считалось, что я политически хорошо подготовлен, партийный стаж мой был уже приличный – девять лет, я имел практический опыт работы с людьми на производстве, и в качестве политрука роты аттестация как курсанта и будущего командира-танкиста была хорошей. Мне предлагали остаться в кадрах на должности командира танковой роты с хорошим окладом, квартирой. Выпускают меня старшим лейтенантом. Обещали, что через год я буду командиром танкового батальона, а там, говорили они, и полк поручат. Заманчивое дело само по себе, но кадровым командиром я не собирался быть, у меня есть специальность инженера и практический опыт работы на производстве.

В октябре 1937 года всю команду одногодичников демобилизовали, а меня и инженера-механика Кузьмина задержали до декабря, все уговаривали написать заявление и отдать в кадры. Наконец нас тоже демобилизовали, сказав при этом, что если мы надумаем остаться в кадрах Красной армии, то часть всегда примет нас как своих питомцев.

После демобилизации надо было срочно устраиваться на работу. Семья хотя и маленькая, но живем мы довольно скудно, кое-когда нам помогают родители Любы, я же сам должен помогать моей одинокой матери. С жильем у нас тоже далеко не благополучно: тесно и неблагоустроено, об этом тоже надо было думать. Я решил теперь идти только на завод – это более постоянное, почетное и уверенное дело. Когда я становился на военный учет, то мне пореко-

²⁰ «Тройки» – внесудебные органы, существовавшие в 1937–1938 годах. В их состав входили три местных руководителя: начальник управления НКВД, прокурор и первый секретарь партийного комитета. По их решению люди осуждались по политическим мотивам. «Тройки» были ликвидированы в сентябре 1938 года постановлением Совнаркома и политбюро ЦК ВКП(б). Их ликвидация была одним из моментов «борьбы с перегибами» в репрессиях в период «ежовщины» (по имени наркома НКВД в 1936–1938 годах Ежова Н. И., который был сам репрессирован в 1939 году), «борьбы», являвшейся не более чем камуфляжем продолжавшегося беззакония. На посту наркома внутренних дел Ежова сменил Берия.

мендовали по поводу работы обратиться в Харьковский горком КП(б)У в отдел кадров. Так я и поступил. Но здесь мне стали предлагать «руководящие» должности – нач., зам., пом., зав. – и все в учреждениях и организациях. Но я твердо стоял на своем: только на завод. На меня смотрели с каким-то недоумением и, очевидно, думали: «Вот чудак! Ему предлагают руководящие должности, а он просится на завод».

15 декабря 1937 года. Итак, издан приказ по заводу: я назначен начальником кузнечно-штамповочно-заготовительного цеха. Завод «Серп и Молот», где работало около десяти тысяч рабочих, официально считался заводом сельхозмашиностроения. Он выпускал молотилки разных конструкций и модификаций, веялки, триера, культиваторы, бороны и ряд другой сельскохозяйственной техники. Это была, так сказать, открытая продукция завода. Кроме того, была большая номенклатура специальной продукции: артиллерийские снаряды из сталлистого чугуна и стальные штамповочные головки к ним, их выпускалось миллион, специальные санитарные повозки и автофургоны для перевозки раненых; сотнями тысяч изготавливали носилки для переноски и транспортировки раненых. Изготавливали скорлупы фюзеляжа из специального шпона для самолетов конструктора Сухого, которые выпускались Харьковским авиазаводом. Много было и другой специальной продукции. Ее общий удельный вес в производстве завода составлял около 45 %.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.